

ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

В зале заседания XV съезда профсоюзов СССР.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

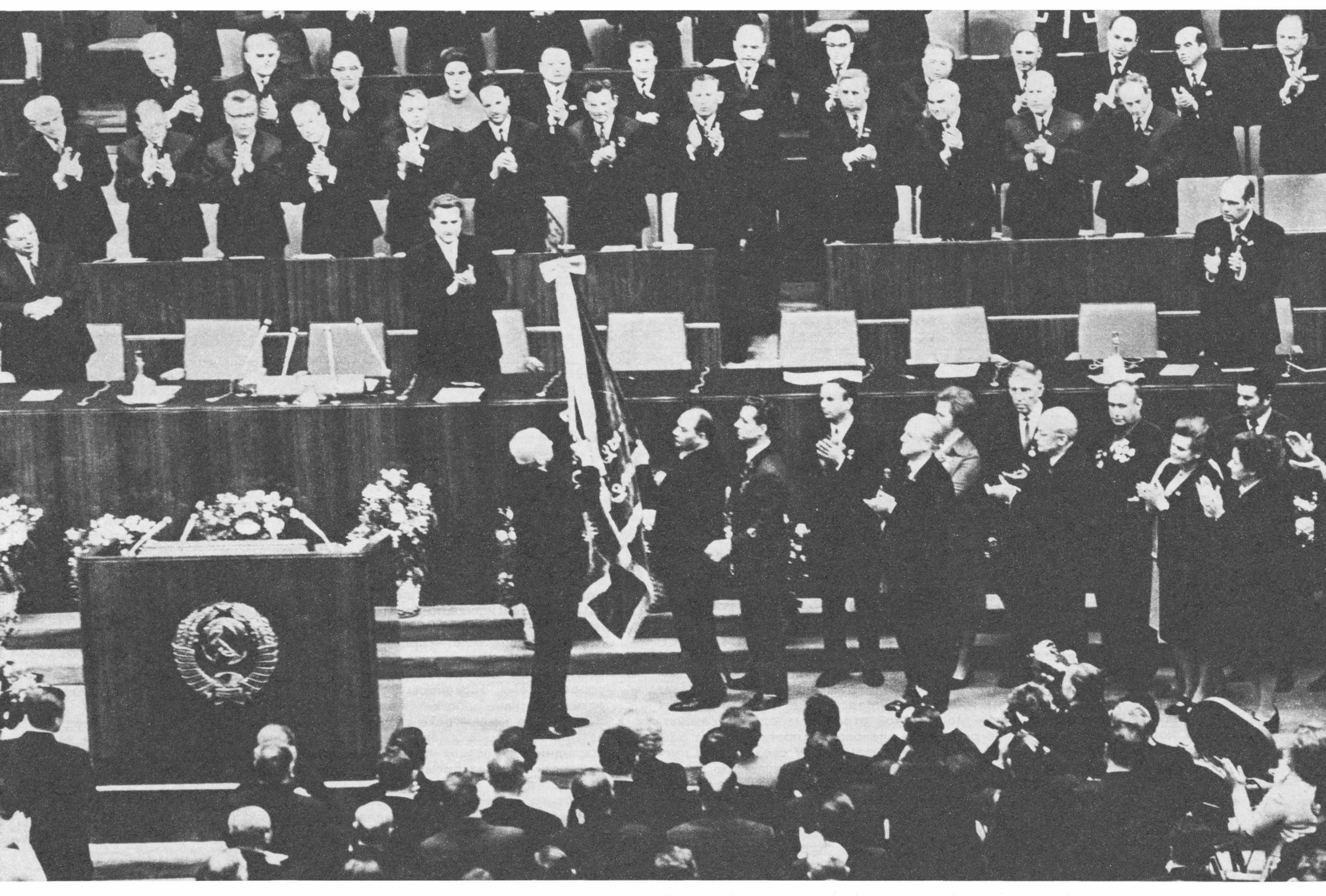
№ 14 (2335)

1 АПРЕЛЯ 1972

Л. И. БРЕЖНЕВ:

«В нынешнем году советский народ будет отмечать знаменательную дату — 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Партия призывает рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенцию, всех советских трудящихся ознаменовать юбилей этого великого исторического события новым подъемом социалистического соревнования, новыми трудовыми победами».

Из речи на XV съезде профсоюзов СССР.

Советским профсоюзам вручается орден Ленина.
Фото Дм. Бальтерманца.

ЕДИНСТВО

Пять дней в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, работал XV съезд профессиональных союзов СССР. В докладах, в выступлениях делегатов подчеркивалось огромное значение принципиальных положений о роли профсоюзов в развитом социалистическом обществе, которые содержатся в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и в приветствии ЦК КПСС XV съезду профсоюзов.

Подведены итоги деятельности советских профсоюзов за отчетный период, намечена программа их дальнейшей работы. Посланцы великой армии труда — представители героического советского рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции — от имени своих коллективов заверили партию, ленинский ЦК КПСС, что не пожалеют сил и энергии для осуществления задач, поставленных XXIV съездом КПСС. Еще и еще раз продемонстрировано нерушимое единство партии и народа. Духом этого единства, готовностью советских людей выполнить предначертания партии были проникнуты и выступления делегатов и единогласно принятая резолюция по отчетному докладу ВЦСПС.

Съезд принял постановление о частичных изменениях в Уставе профессиональных союзов СССР.

Единодушно приняты Заявления по поводу агрессии США в Индокитае, в связи с положением на Ближнем Востоке и в Северной Ирландии.

Тепло были встречены делегатами речи зарубежных гостей.

На заключительном заседании съезд заслушал сообщение об итогах работы организационного пленума ВЦСПС, избранного XV съездом профсоюзов. Председателем ВЦСПС избран А. Н. Шелепин.

В торжественной обстановке состоялось вручение советским профсоюзам ордена Ленина.

С огромным воодушевлением съезд принял приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

РАБОТАТЬ СЕГОДНЯ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЧЕРА

Герой Социалистического Труда
Валентина БОБКОВА,
делегат XV съезда профсоюзов СССР

Два марта, две весны навсегда вошли в мою жизнь. Март 1971 года, когда открылся XXIV съезд нашей партии. Я была делегатом съезда. Никогда не забыть мне того подъема, того энтузиазма, с которым мы, коммунисты, обсуждали доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, как единодушно утверждали Директивы по новому пятилетнему плану. И вот снова март. Снова над Москвой высокое, голубое небо, и снова во Дворце съездов алые гвоздики... Идет XV съезд профессиональных союзов. Я представляю на нем рабочих текстильной промышленности Москвы, той отрасли народного хозяйства, которая непосредственно работает на человека и поэтому будет развиваться, как это и предусмотрено Директивами XXIV съезда КПСС, ускоренно. На 74 процента возрастут капиталовложения в легкую, пищевую, мясо-молочную промышленность. Текстильщики только в этом, втором году пятилетки получат прядильные фабрики в городах Благовещенске, Фурманове, Ленинске-Кузнецком и Бухаре, ткацкие цеха — на комбинатах в Шахтах, Оренбурге, Кемерове, Тюмени, Кустанае...

Каждый из нас, делегатов, собравшихся в Кремлевском Дворце съездов, мог бы сказать о том, с каким воодушевлением и единодушием советские люди восприняли решения XXIV съезда партии. Рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция в едином трудовом строю претворяют в жизнь программу, начертанную съездом партии.

Работа съезда профсоюзов началась с выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Меня поразила его речь своей глубиной, проникновенностью. «Почти год отделяет нас от XXIV съезда КПСС. И мы вправе задать себе вопрос: как же началось осуществление намеченной им программы экономического развития страны?» Я слушаю эти слова Леонида Ильича Брежнева и думаю о том, что это относится и ко мне, что будто он и нашу «Красную Розу» имеет в виду и что вот теперь мысленно я держу ответ перед партией. В самом деле, как началось осуществление девятой пятилетки?

Я не скажу, что наш шелковый комбинат самый большой и самый лучший. Есть у него братья помоложе и помощнее. Но не ошибусь, если назову его одним из самых старых. Трудновато нам соревноваться с молодыми, сильными предприятиями. И все же наша «Красная Роза» за последний квартал вышла в первую тройку. Комбинат выпустил в минувшем году 59 миллионов 248 тысяч метров шелка сотен видов. А план был 58 миллионов. Значит, сверх плана можно будет сшить полмиллиона платьев.

На этот год у нас еще более высокий, более напряженный план. Резервы для его выполнения есть. Главный из них — повышение производительности труда. По сравнению с январем и февралем прошлого года она выросла на 16,8 процента. Особенно бурным был рост на нашем, ткацком производстве. Производительность труда поднялась тут за два года более чем наполовину, а работающих стало намного меньше. За счет чего? Широким фронтом внедряется новая техника. На комбинате многое делается для того, чтобы труд стал более легким, половина старого оборудования ткацкой фабрики заменена новым. Мы, ткачихи, получили великолепные пневматические станки, в которых воздух заменил челноки. Я работаю ткачихой уже 35 лет, но таких быстроходных машин еще не видела. Триста пятьдесят оборотов в минуту! Работать на них — одно удовольствие. Меньше шума, легко дышится, пущены кондиционеры. Один человек может обслуживать не несколько станков, как раньше, а десятки ткацких машин.

Я сразу встала на двадцать станков. Освоив новую технику, позже я перешла на тридцать шесть. Но вот в прошлом году на совещании в министерстве познакомилась с сибирячкой Зоей Сафоновой. Я и до этого совещания слыхала о ней: она обслуживала пятьдесят пневматических станков! С ума сойти, одна на целый парк! Сафонова мне очень понравилась: волевая, энергичная, настоящая коммунистка. Она рассказывала, как это у них в Красноярске все получилось. Не просто за счет интенсификации труда ткачих, а за счет внедрения технических новшеств, улучшения организации производства.

— Догоним Зою! — предложила я своим сменщицам Павловской и Кабищевой.

Поначалу они побоялись, не решились. А я с 15 января перешла на сорок восемь. Инженеры подсчитали, что такая «упряжка» на наших артикулах тканей соответствует Зоиной.

Теперь в нашем цехе создан экспериментальный участок. Сто сорок четыре машины в смену обслуживают всего три человека. Только за последние 9 месяцев производительность труда поднялась до ста семидесяти четырех процентов. Мы помогли цеху увеличить выпуск тканей в 2,5 раза.

Вот какие перемены произошли за послесъездовский год на старой «Красной Розе». А как идут дела у моих подруг? Газета «Правда» писала как-то о Зое Сафоновой. У нее на Енисее уже две тысячи последователей. Две тысячи рабочих стали многостаночниками.

На съезде профсоюзов я встретилась и с Зоей Сафоновой, и со своими давнишними приятельницами — Зоей Пуховой из Иванова, Валентиной Плетневой из Костромы, москвичкой Марией Иванниковой, Этери Соломония из Тбилиси. Разговорам не было конца. И, конечно, не терпелось узнать, сколько у каждой из них машин на счету, что нового. У моей тезки Валентины Плетневой, например, было шесть станков. А сколько стало? «Стало восемь»,— сообщила довольная Валентина Николаевна. Это очень хороший результат. У нее особое, не такое, как у меня или Сафоновой, оборудование, она специалист по льну. Зоя Пухова, мастер по хлопчатобумажным тканям, сказала, что работает на десяти станках и приедет к нам в гости, ко мне на участок. А у Этери Соломония другая радость: приступила к работе над дипломным проектом. Политехнический институт заканчивает. Выходит, большой, насыщенный получился у нас год, от марта до марта. Есть нам, текстильщикам, чем отчитаться. Радостно сознавать, что и мы активно участвовали в возведении первой ступени новой пятилетки.

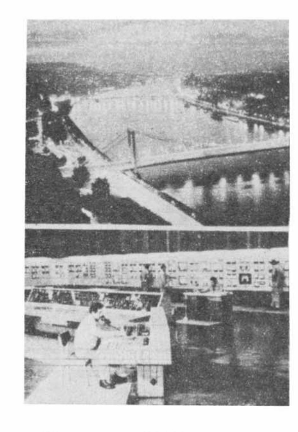
Леонид Ильич Брежнев в своей речи обратил внимание на то, что еще медленно повышается качество отдельных видов продукции. И вот в перерыве между заседаниями корреспонденты телевидения брали у нас, посланцев Москвы, интервью — что мы можем сказать по поводу этого замечания товарища Брежнева. Крановщица Клавдия Цупкова ответила, что, с ее точки зрения, Москва, как и подобает столице, станет еще краше, превратится в образцовый город по всем статьям, и лично она и ее товарищи приложат все усилия к тому, чтобы москвичи вселялись в добротные, удобные дома, чтобы каждая московская семья жила в отдельной хорошей квартире. Метростроевец Иван Филимонов говорил о подземных трассах, которые протянутся в новые районы столицы, о соревновании, которое развернулось среди проходчиков, каменщиков, отделочников за высокое качество, за эффективное и быстрое внедрение научно-технических достижений.

Боремся за качество тканей и мы, текстильщицы. Мне приятно было сообщить, что две наших ткани типа крепдешина удостоены Знака качества. Радостно знать, что наши шелка на полках магазинов не залеживаются. «На ткани «Красной Розы»,—сообщают нам товароведы фирменных магазинов,— повышенный спрос. Их требуют, их ждут женщины».

Но эти первые успехи не вскружили нам головы. Мы помним, и на это указывал в своей речи на съезде профсоюзов товарищ Л. И. Брежнев, что «нынешний пятилетний план составлен с учетом того, что все мы сегодня и завтра будем работать лучше, чем работали вчера... Это необходимое условие успешного выполнения пятилетнего плана».

С сознанием этого долга перед народом — работать сегодня лучше, чем вчера,— мы после съезда и вернулись к своим станкам и машинам.

4 АПРЕЛЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК ВЕНГРИИ, ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ.

НАЧАЛО

Корнел ХАЙНАЛ,
главный редактор журнала «Орсаг-вилаг»,
член правления Общества венгеро-советской дружбы

Весной 1945 года репродукторы, установленные на будапештских улицах, сообщили, что Советская Армия полностью очистила территорию Венгрии от нацистских оккупантов. Стояла чудесная солнечная погода, все в природе расцветало, и даже среди оставленных войной руин то тут, то там появлялись цветы.

У меня было какое-то странное ощущение в те дни. Только позже я понял, отчего: непривычной была тишина. Не доносилась пушечная канонада с Пилишских гор, не слышался гул сражения из-под Секешфехервара, где в нескольких десятках километров от столицы советские войска вели тяжелые бои с фашистами. Стояла такая тишь, что казалось, можно услышать шорох крыльев пролетающих птиц.

Замолчали и репродукторы, которые известили мир о великом событии в истории страны: «В результате наступления с 16 марта по 4 апреля войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили освобождение от немецких захватчиков всей территории Венгрии».

Щелчок в репродукторе — и тишина. Возможно, она длилась лишь мгновение, возможно, и дольше. Тишина, которая внезапно уступила место звукам. Они усиливались, становились более четкими, перерастающими в шум весенней грозы. Тысячи, десятки тысяч людей устремились на улицы, делились друг с другом вестью о великом событии. Люди шли по улицам. Над их головами реяли красные и национальные знамена. Никем не назначенные ораторы взбирались на балконы уцелевших домов: «Да здравствует Советская Армия!», «Да здравствует свободная, независимая, демократическая Венгрия!» Меня подхватила толпа и несла, несла с собой. Я кричал, все больше воодушевлялся, размахивал знаменем, невесть откуда оказавшимся у меня в руках. На лицах людей — радость и нетерпение. Да-да, нетерпение, выражение чувства того, что немедленно, сию же минуту нужно создавать новую, демократическую Венгрию, сейчас же, безотлагательно покончить с прошлым, с черной тенью минувшего.

Конечно, были и такие, кто сквозь щели в зашторенных окнах с ненавистью и страхом смотрел на бурлящий, словно вешний поток, людской водоворот на улице. В ту пору мы не представляли себе, какая ожесточенная борьба предстоит еще нам в схватке с теми, кто затаил ненависть. В те мгновения в сердцах наших жило одно стремление — создавать новую, свободную, демократическую Венгрию...

Воистину восхищаешься мудрым предвидением народа, когда вот так, через много лет вспоминаешь, объективно анализируешь дела ушедших дней. Вся Венгрия тогда — это груды развалин на месте разграбленных фашистами заводов и фабрик, поверженные мосты, пустые глазницы домов. По улицам бродили бездомные. Картофелина, кусочек сахара считались сокровищем. Из-за боев по всей стране в последние дни войны крестьяне не смогли провести весенние полевые работы. Тяжелым наследием прошлого оставалось более полумиллиона неграмотных. И в такой обстановке тем не менее люди жили с чувством свободы, с желанием создавать на венгерской земле новую жизнь. И даже те, кто ни разу в жизни не держал в руках книги, знали: победой Советской Армии завершена целая историческая эпоха. Эта армия не только освободила страну от немецких оккупантов и их венгерских вассалов. Своей победой она триумфально увенчала четыре столетия борьбы венгерского народа за свою независимость. Миллионы венгерских трудящихся понимали, что 4 апреля 1945 года в Венгрии осуществилось то, за что боролись в средние века босоногие бедняки крестьяне под знаменами Дьёрдя Дожи, воины Текели и Ракоци, гусары Лайоша Кошута, за что проливали кровь пролетарские отряды 1919 года, краснозвездные бойцы Венгерской советской республики. В тот день завершилась долгая борьба между Венгрией аристократов и Венгрией миллионов тружеников.

Это был старт новой эпохи в жизни целого народа, который за четыре столетия после крестьянского восстания Дожи всего лишь 133 дня в 1919 году наслаждался свободой.

Но весенним днем 1945-го все переменилось. Еще предстояла тяжелая борьба, чтобы навсегда освободиться от угнетателей, мечтавших вернуть себе власть. Еще нужно было много трудиться, чтобы заново создать промышленность, наладить производство в сельском хозяйстве, избавиться от губительной инфляции, ликвидировать неграмотность и открыть двери школ и вузов детям рабочих и крестьян. Борьбу за новую жизнь возглавила партия коммунистов, которая повела страну по пути социалистического строительства. И с первого дня освобождения Советский Союз стал нашим надежным и бескорыстным другом. Экономическую и политическую помощь, которую мы получаем от Советского Союза, не измерить никакими мерами. Но о ней помнит сердце каждого венгра.

Советские друзья, приезжая в Венгрию, воочию могут убедиться в том, что венгерский трудовой народ правильно распорядился полученной свободой: он строит новое, социалистическое общество. С искренней признательностью чтят венгерские трудящиеся память об освободителях. По всей стране на могилах советских героев, отдавших жизнь во имя свободы нашего народа, не увядают цветы. Никогда не погаснет огонь любви в наших сердцах. Иначе и не может быть: наше братство скреплено кровью.

Если вам доведется приехать в Венгрию, остановитесь у подножия монумента освобождения на горе Геллерт в Будапеште и оглянитесь вокруг. Под горой и дальше в голубой дымке простирается равнина Алфельда, а по другую сторону синеют задунайские холмы. Это родина моего народа, который никогда не забудет поддержки великого Советского Союза, его постоянной помощи. Это родина народа, который гордится своей дружбой с Советским Союзом, гордится тем, что он равноправный член социалистического содружества и вносит свой вклад в строительство нового мира.

ЧИЛИ: ПОРА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Огромную чашу стадиона в Сантьяго до отказа заполнили зрители. В этот день пришли сюда рабочие из всех районов чилийской столицы; ветераны партии, убеленные сединами; чилийская молодежь... На лозунгах, развевающихся над стадионом, слова: «50 лет борьбы за социализм».

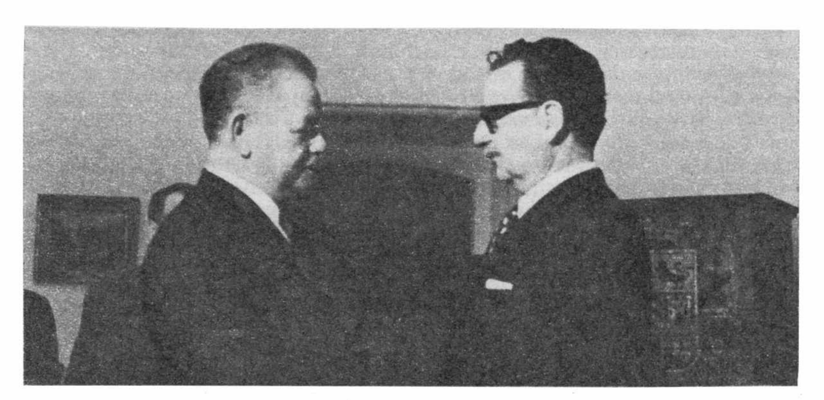
День полувекового юбилея Коммунистической партии Чили стал всенародным праздником трудящихся страны. О нем повествует телевизионный документальный фильм «Чили: пора преобразований».

Сценарист Виктор Шрагин, политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио, ведет свой рассказ по горячим следам знаменательного события, начиная его на борту самолета, отправляющегося в Сантьяго.

Делегацию СССР возглавляет член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Декабрьский день в Чили встречает гостей тридцатиградусной жарой, будто знаменуя тепло предстоящих встреч. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чили Луис Корвалан и советские гости едут по нарядно украшенным улицам столицы.

Телекамера (режиссеры фильма Б. Горбачев и И. Кмит, оператор В. Горемыкин) запечатлела моменты волнующих встреч советских гостей с чилийским народом на площади перед дворцом Монеда, в музее Луиса Эмилио Рекабаррена. Музей открыт в Сантьяго ко дню 50-летия Компартии Чили. Здесь А. П. Кириленко передал в дар музею скульптурный портрет Владимира Ильича Ленина.

Глава делегации СССР А. П. Кириленко и Президент Чили Сальвадор Альенде обмениваются приветствиями.

ПРОГРАММА МИРА В ДЕЙСТВИИ

Юрий КОРНИЛОВ

Год назад в Москве с высокой трибуны XXIV съезда КПСС была торжественно провозглашена внешнеполитическая программа Советского Союза, которая сразу же вошла в международный политический лексикон как «советская программа мира».

Будущий летописец, характеризуя политическую обстановку на земном шаре в начале 70-х годов, отметит, несомненно, что важнейшая особенность этого периода — дальнейшее неуклонное укрепление мощи и сплоченности социалистического содружества. Нерушимый боевой союз братских социалистических стран, идущих плечом к плечу к общей великой цели,— это ныне важнейший фактор, оказывающий влияние на всю международную политику. Да, на земле дуют не только теплые ветры, еще гуляют и сквозняки, оставшиеся от времен «холодной войны». Да, над землей парит не только голубь мира, рожденный талантом и гуманизмом Пикассо,— над ней реют и хищные американские «фантомы», стяжавшие столь мрачную известность в варварских налетах на мирные города и села Вьетнама. Но важно, примечательно другое: силы мира и социализма крепнут и наступают, а силы реакции и войны все чаще вынуждены переходить на позиции глухой обороны.

В политике, как и в любой другой области человеческой деятельности, есть столбовые пути и боковые тропки. Столбовая дорога внешнеполитического курса СССР — борьба за ликвидацию очагов войны, отпор посягательствам империалистов на свободу и независимость народов. Программа мира, выдвинутая XXIV съездом, не случайно начинается именно с такого важнейшего требования, как необходимость ликвидировать военные очаги в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, давать немедленный и твердый отпор любым актам агрессии и международного произвола. И разве события, происходящие, скажем, в Индокитае,— этой поистине «горячей точке» планеты, не иллюстрируют со всей полнотой и силой, как последовательно и целеустремленно проводит наша страна намеченный партией курс? Патриоты Индокитая, опираясь на мощную братскую поддержку СССР, на помощь и солидарность всех прогрессивных сил мира, перечеркнули планы американского империализма. США ведут позорную войну в Индокитае уже более 10 лет, затраты Вашингтона на агрессию превысили фантастическую сумму в 120 миллиардов долларов, а цель, которую поставили перед собой империалисты, все так же далека. «Всем, кто способен реально смотреть на вещи, должно быть ясно, что решимость вьетнамского народа стать хозяином в собственной стране не сломить ни прямой военной интервенцией, ни саботажем переговоров, ни все более широким использованием наемников» — эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, сказанные им в Отчетном докладе XXIV съезду, звучат сегодня с еще большей силой, чем год назад.

Растущий перевес сил, выступающих за мир и безопасность, отчетливо ощущается в Европе — континенте, который в прошлом так часто опаляло пламя жестоких войн. И если перелистать современную политическую историю континента, нетрудно увидеть, что важнейшие ее страницы, повествующие о смягчении политического климата, неразрывно связаны с миролюбивыми инициативами СССР. Это визит товарища Л. И. Брежнева во Францию, визит, который еще более поднял авторитет нашей Родины как активного поборника мира. Это и заключение договоров между СССР и ФРГ, Польшей и ФРГ, за скорейшую ратификацию которых борются сейчас в ФРГ все, кто действительно дорожит делом разрядки напряженности. Это и предложение социалистических стран созвать общеевропейский форум по безопасности и сотрудничеству, поддержанное ныне практически всеми государствами Европы.

Будущий летописец, говоря о международной обстановке в начале 70-х годов, отметит, несомненно, и то, что твердый отпор агрессивным устремлениям империализма, как и всегда, сочетался во внешней политике СССР с готовностью развивать взаимовыгодные отношения с государствами противоположной общественной системы. Среди контактов и встреч, направленных на развитие таких отношений, важное место могут занять предстоящие в мае в Москве переговоры с президентом США Р. Никсоном. Буржуазную печать уже сейчас захлестнул поток статей, авторы которых, всякого рода «кремленологи» и «советологи», строят прогнозы насчет подхода СССР к предстоящим переговорам. Эти господа явно ломятся в открытую дверь. Позиция СССР и по этому вопросу предельно ясна: наша страна — за расширение таких областей в отношениях между СССР и США, которые позволили бы, не отходя от принципов советской внешней политики, наладить взаимовыгодное сотрудничество в интересах народов обеих стран и укрепления всеобщего мира.

В эти дни западная печать, отмечая годовщину со дня созыва XXIV съезда КПСС, все чаще пишет о «мирном наступлении» Советского Союза. Что ж, мы, советские люди, готовы принять этот термин: он отвечает духу ленинской внешней политики СССР.

«Основные направления и задачи нашей внешней политики на нынешнем этапе,— заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на XV съезде советских профсоюзов,— были определены XXIV съездом КПСС. Принятая съездом программа, получившая название советской программы мира, последовательно претворяется в жизнь и стала действенным фактором мировой политики».

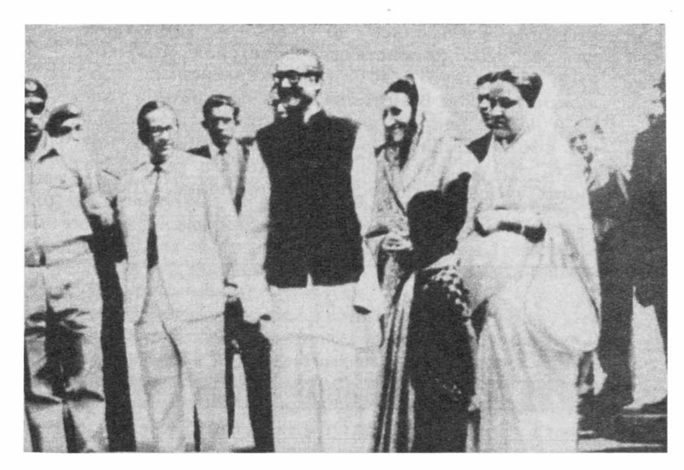
КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

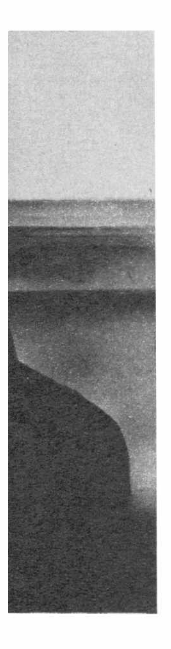
Фото ТАСС и ЮПИ.

▶ В Гвадалахаре, столице мексиканского штата Халиско, с большим успехом прошла неделя советской культуры, посвященная 50-летию образования СССР. В городе были организованы выставки о содружестве братских республик Советского Союза и «Архитектура СССР». Многочисленные жители Гвадалахары посетили фотовыставку «Архитектура СССР», которая была показана в муниципальном дворце.

Народные вооруженные силы, действующие в провинции Куангчи (Южный Вьетнам), за первые двадцать дней февраля уничтожили более ста вражеских солдат, сбили два вертолета, потопили два военно-транспортных судна. Значительные потери несут войска сайгонского режима и в дельте Меконга. Патриоты нанесли удары по позициям противника в провинции Лонган. Убито и ранено около 80 солдат и офицеров. На снимке — бойцы отряда НВСО перед выполнением боевого задания. Героически участвуют в освободительной войне женщины-бойцы, не уступая мужчинам в смелости и героизме. ▶

27 марта в Москву с дружеским визитом прибыл член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Е. Фок.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Венгерской Народной Республики и Советского Союза, главу правительства братской страны встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и другие официальные лица.

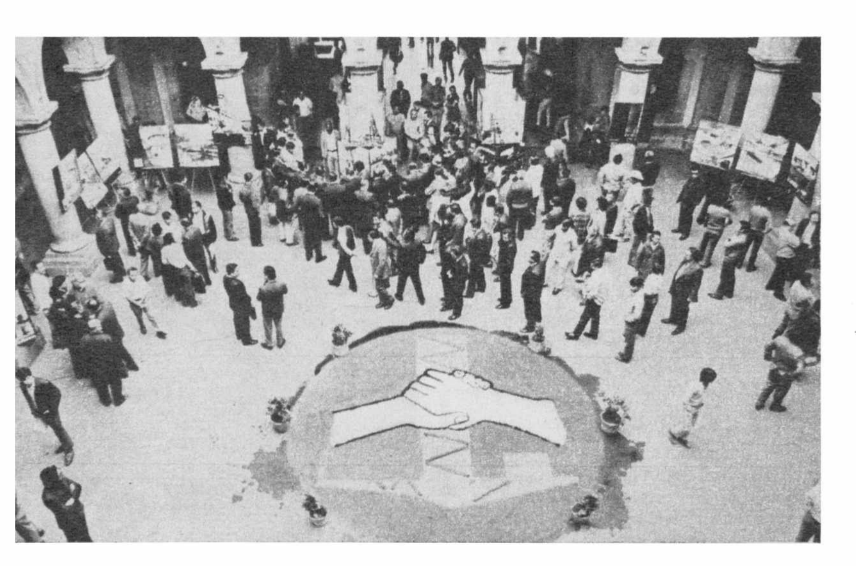
В Кремле 27 марта начались переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и членом Политбюро ЦК ВСРП, Председателем Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Е. Фоком.

В ходе переговоров были рассмотрены вопросы дальнейшего развития взаимного экономического и научно-технического сотрудничества, расширения специализации и кооперирования производства между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой, совместного участия в осуществлении Комплексной программы социалистической экономической интеграции.

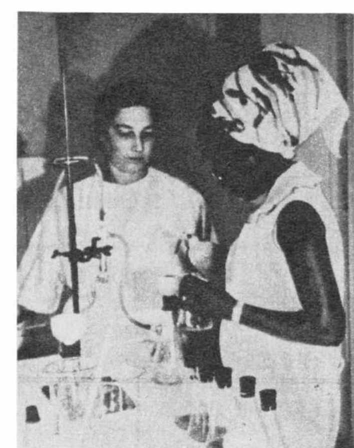
Переговоры проходили в атмосфере братской дружбы и полного совпадения взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

На снимке: А. Н. Косыгин и Е. Фок перед началом переговоров.

Фото В. Соболева (ТАСС).

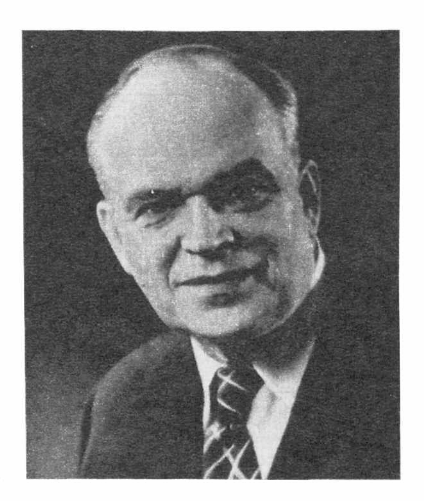
◄ Недавно Дакку, столицу Народной Республики Бангладеш, посетила Индира Ганди, Премьер-Министр Республики Индия. Этот визит дружбы еще более скрепил узы сотрудничества между двумя странами, плечом к плечу выступающими за экономический прогресс своих народов, за мир во всем мире. На снимке запечатлен момент торжественной встречи Индиры Ганди на аэродроме в Дакке Муджибуром Рахманом.

▲ Большую помощь в строительстве новой жизни Народной Республики Конго оказывает Советский Союз. Советские геологи помогают конголезцам в разведке и использовании полезных ископаемых. Сотни юношей и девушек молодой республики учатся в СССР. В геохимической лаборатории Браззавиля советский химик из Москвы Валентина Ежова и лаборантка Элизабет Массамба проводят анализ образцов породы.

Михаил Николаевич КЕДРОВ

Советское театральное искусство понесло тяжелую утрату. Скончался выдающийся деятель советского театра, народный артист СССР, лауреат Государственных премий, режиссер и артист Московского Художественного академического театра им. М. Горького, профессор Михаил Николаевич Кедров.

История советского театрального искусства неразрывно связана с именем Михаила Николаевича. Он отдал ему весь свой яркий, многогранный талант. М. Н. Кедров пришел в искусство в первые годы становления Советской власти, пронеся через свое творчество высокие идеи партийности, народности, гражданственности, утверждения высоких принципов социалистического реализма.

М. Н. Кедров родился в 1893 г. в Москве. С 1922 г. он работает в Московском Художественном театре. М. Н. Кедров принадлежал к числу ближайших учеников и последователей К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, став впоследствии одним из ведущих деятелей МХАТ, крупнейшим режиссером, артистом и педагогом. С 1946 года по 1955 год М. Н. Кедров был главным режиссером, а затем председателем художественной коллегии театра.

В своей творческой деятельности М. Н. Кедров претворял в жизнь и развивал идеи своих учителей, последовательно осуществлял проведение в жизнь системы К. С. Станиславского, разрабатывал на ее основе новые методы режиссерского творчества.

Поставленные им спектакли «В людях» М. Горького, «Плоды просвещения» Л. Толстого, «Дядя Ваня» А. Чехова, «Ревизор» Н. Гоголя, а также спектакль «Враги» М. Горького, осуществленный совместно с В. И. Немировичем-Данченко, по праву вошли в летопись советского сценического искусства.

Яркое воплощение в его творчестве получили произведения советской драматургии — «Глубокая разведка» А. Крона, «Дни и ночи», «Русский вопрос» К. Симонова. Глубоким раскрытием ленинской темы явилась постановка М. Н. Кедровым спектакля «Третья Патетическая» Н. Погодина.

М. Н. Кедров был выдающимся актером советского театра. Яркий талант, тонкое постижение социальной сущности роли, высокое мастерство сценического перевоплощения характеризуют образы, созданные М. Н. Кедровым на сцене Художественного театра в спектаклях «Анна Каренина», «Мертвые души», «Тартюф», «Враги», «Бронепоезд 14-69», «Фронт» и др.

Огромный жизненный и творческий опыт, чуткость к молодым талантам, такт в передаче своих знаний юношеству сделали М. Н. Кедрова одним из самых признанных и любимых советских театральных педагогов. Он был профессором школы-студии МХАТ им. В. И. Немировича-Данченко, вел большую работу по воспитанию режиссерских кадров.

Много сил и энергии отдавал М. Н. Кедров общественной деятельности. В течение длительного времени он был членом Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР, членом художественного совета Министерства культуры СССР.

Родина высоко оценила большие заслуги М. Н. Кедрова, наградив его двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями. Четыре раза ему присуждалась Государственная премия СССР. В 1948 году М. Н. Кедрову было присвоено почетное звание народного артиста СССР.

Михаил Николаевич Кедров в нашей памяти останется как выдающийся художник советского театра, отдавший свой щедрый талант служению советскому народу.

Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, А. В. Романов, В. Ф. Промыслов, В. Н. Ягодкин, Н. А. Кузнецов, К. В. Воронков, А. Н. Грибов, О. Н. Ефремов, Ю. А. Завадский, М. Н. Зимин, А. П. Зуева, Л. А. Кулиджанов, А. Е. Корнейчук, А. П. Кторов, П. В. Массальский, П. А. Марков, В. А. Орлов, Н. А. Пономарев, Б. А. Покровский, М. И. Прудкин, В. Я. Станицын, Б. А. Смирнов, К. М. Симонов, Е. Р. Симонов, А. И. Степанова, А. К. Тарасова, Г. А. Товстоногов, Н. С. Тихонов, З. П. Туманова, К. А. Ушаков, К. А. Федин, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, М. М. Яншин.

все своими руками, из своих материалов, своими машинами

добиться экономической независимости союза ССР

Четвертый, завершающий

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

В 1932 году «Огонек» с первого номера начал публиковать материалы об экономическом соревновании СССР с капиталистическими странами. Блюминги, экскаваторы, дизели, тракторы, автомобили, врубовые машины, турбины — все важнейшие изделия делать по своим чертежам, своими руками, из своих, отечественных материалов! Такая задача была поставлена партией перед советской промышленностью. Немало потрудились над освобождением от иностранной зависимости и ленинградцы. Завод «Светлана» избавил от импорта радиоламп, «Красный путиловец» наладил производство тракторов. В «Огоньке» сообщалось об изготовлении на Ленинградском металлическом заводе советской паровой турбины.

Корреспондент «Огонька» К. ЧЕРЕВКОВ побывал в цехах завода, где создавались первые советские паровые и водяные турбины. Теперь это — крупнейшее и известное во всем мире энергомашиностроительное предприятие, выпускающее крупные агрегаты для электростанций.

Наша первая встреча с ветераном завода Петром Сергеевичем Чернышевым. Его биография неотделима от технического прогресса советского турбостроения. Ученик токаря. Токарь. Рабфаковец. Не оставляя токарный станок, окончил втуз. Обладающий большим производственным опытом, солидными теоретическими знаниями, организаторскими способностями, инженер советской формации, он участвовал в создании многих турбин, которые по своим техническим и эксплуатационным данным часто превосходили зарубежные. Герой Социалистического Труда, главный инженер Металлического завода имени XXII съезда КПСС, П. С. Чернышев многое сделал для того, чтобы некогда зависимый от иностранной промышленности завод, строивший турбины по проектам, приобретенным у английской фирмы «Метро Виккерс», стремительно обогнал мировые капиталистические фирмы, сам стал поставлять крупные агрегаты для зарубежных электростанций и завоевывать «Гран-при» на всемирных выставках.

Главный инженер достал из папки телеграмму: «Почитайте. Только что получил из Москвы».

Петра Сергеевича срочно вызывали в главк по поводу паровой турбины мощностью в один миллион двести тысяч киловатт. О ней речь идет в Директивах XXIV съезда КПСС. Если сравнивать с теми, которые делал завод в 1932-м, то она мощнее в 24 раза. Это сравнение, конечно, относительное. Тогда одновальных агрегатов укрупненных мощностей не делали. И не только тогда, но и нынешняя практика турбостроения не знает ничего подобного. Однако это не значит, что выпуск таких турбин — дело далекого будущего. Уже сейчас готовы все расчеты и идет изготовление рабочих чертежей первого одновального энергоблока. Уникальная турбина будет создана в нынешней пятилетке, она будет установлена на Костромской ГРЭС. Ее предшественница, двухвальная паровая машина в 800 тысяч киловатт, уже работает на Славянской ГРЭС. В эти дни там же успешно идут сдаточные испытания одновальной «восьмисотки». Об этом телеграфирует с Украины один из старейших шеф-монтажников, Александр Иванович Корнев. Недавно заводские товарищи сердечно отмечали его шестидесятилетие. В адрес юбиляра пришли поздравительные телеграммы из многих республик, где Корнев в разное время смонтировал и пустил в работу десятки крупных турбин.

«На проводе Бекабад»,— предупредила секретарь. Это звонил из Узбекистана Александр Либенсон. Он информировал о ходе монтажа турбины в 300 тысяч киловатт на Сырдарьинской электростанции. И тут же, спустя минуту, звонок из Эстонии от Иосифа Филипповича Решетняка. Завершив недавно большие работы на Прибалтийской ГРЭС, Решетняк монтирует турбину на одной из электростанций в Эстонии.

Этажом выше — монтажное бюро водяных турбин. Люди долго тут не задерживаются: приедут с периферии, составят отчет о проделанной работе, сдадут старую, получат новую командировку и снова в дальние края.

Аркадий Яковлевич Баршт с Саратовской ГЭС махнул в Узбекистан, на Чарвакскую ГЭС, заканчивать сборку последней гидротурбины. На Чарвакской, как представитель заводских монтажников, работал и Евгений Николаевич Бобков. Его сюда направили с самой крупной в мире Красноярской гидроэлектростанции. А теперь у Евгения Николаевича много дел в Грузии, где сооружается каскад гидроэлектростанций на Ингури.

Нашу беседу прервал телефонный звонок из Киргизии. Шефмонтажник Александр Федорович Мезонов докладывал: «На Токтогульской ГЭС установлены закладные части турбины». С Татевской ГЭС, что в Армении, другого характера сообщение: в машинном зале станции заканчиваются наладочные работы.

На берега Невы, где раскинулись корпуса Металлического завода, звонят и с берегов Нила и Дуная. Звонят из Индии, Алжира Болгарии, Польши, Бразилии, Югославии, Пакистана, Марокко.. В тот день, когда мы посетили завод, на стенде двадцать первого цеха испытывалась паровая турбина мощностью в полмиллиона киловатт для ГДР. Завод стал крупнейшим экспортером уникальных паровых и водяных турбин.

Ленинградцы дали путевку в жизнь и новой отрасли энергетического машиностроения — газотурбостроению. Первые газотурбинные установки изготовлены для работы в районах вечной мерзлоты и низкой температуры наружного воздуха — минус 64 градуса Цельсия. Успешно эксплуатируются десять газотурбоустановок на компрессорных станциях газопровода Бухара — Урал.

Выпуск крупных и совершенных турбин немыслим без постоянного развития завода, оснащения его новой техникой, внедрения совершенной технологии. Построена и введена в строй уникальная испытательная станция для балансировки роторов крупных паровых турбин в вакууме. Создана современная лаборатория гидравлических турбин, лаборатория материалов... Завод прочно стоит на переднем крае развития советской энергетики. Его марка — «ЛМЗ» — известна сегодня всему миру.

В цехе, где создаются паровые турбины. Фото Н. Ананьева.

МАРКА «Л

М З»

Демонстрация в Нордерштедте. Лозунги призывают к ратификации договоров.

Фото АДН—ТАСС.

Алексей ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Местечко Обераммергау расположено в живописных баварских Альпах. Воздух здесь хрустально чистый, напоенный хвоей, освеженный ледниками. В Обераммергау приезжает много туристов. На крышах автомашин они везут лыжи. Местечко небольшое, уютное. Перед зданием отеля «Ланч» алое полотнище государственного флага СССР. В этом отеле остановилась делегация Аэрофлота, прибывшая в ФРГ по случаю открытия прямого воздушного сообщения между Москвой и Франкфуртом-на-Майне. Возглавлял делегацию заместитель министра гражданской авиации А. П. Усков. В ее составе авиаторы, представители общественных организаций, журналисты.

Прохожие на улицах, заслышав русскую речь, оглядываются, иногда заговаривают. Ко мне подходит уже немолодой немец в элегантном спортивном костюме. Седые волосы разделены безупречным пробором. За стеклами очков — светлые льдинки глаз.

— Вы советский, из делегации? — спрашивает он и представляется: — Пауль Герберт, адвокат из Мюнхена.

Я тоже называю себя.

— Дожили! — сокрушенно вздыхает он.—По Германии русские делегации ездят.

— Отношения между СССР и ФРГ нормализуются. Разве это плохо?

— Пока вопрос о границах Германии еще не решен.

— Он решен окончательно,— возражаю я.— А где вы изучали русский язык?

— Еще студентом в университете. Разговорную практику проходил в России. Воевал с июня сорок первого...

— Я тоже воевал с июня сорок первого.

— Вам повезло, что мы не встретились.— Адвокат улыбнулся широко, добродушно, но взглянул словно через прорезь прицела.

И этот взгляд как бы уничтожил тридцатилетнюю толщу времени. На зубах скрипнула горькая пыль первого военного лета.

— Тоже сожалею, что не довелось тогда вас встретить,— ответил я.

Однако сейчас в ФРГ ярые реваншисты вроде этого Пауля Герберта уже не играют первую скрипку. Но они еще сильны. Продолжают действовать многочисленные реваншистские, милитаристские, неонацистские организации, «союзы изгнанных». Однако большинство населения отвергает их опасные идеи, которые могут принести новые неисчислимые бедствия Западной Германии. В воскресенье, осматривая столицу Баварии Мюнхен, мы пришли на Мариен-плац, расположенную в самом центре города. Здесь происходил своеобразный митинг. Стоя возле раскладного стола, на котором лежали листы бумаги, девушка в пестром спортивном свитере обращалась к прохожим:

— Подпишите! Речь идет о восточных договорах. Подпишите вместе с нами обращение к бундестагу и правительству: договоры должны быть ратифицированы как можно скорее.

Как раз накануне в бундестаге закончились первые чтения договоров с Советским Союзом и Польской Народной Республикой. Парламентская оппозиция ХДС/ХСС старалась очернить реалистическую внешнюю политику правительства ФРГ, разглагольствуя о «красной опасности». И словно в ответ на это, молодые люди на Мариен-плац установили транспаранты с лозунгами. «Нам грозит не красная, а коричневая опасность» — гласил один. А другой категорически требовал: «Немедленно ратифицировать восточные договоры».

И прохожие не оставались равнодушными. Многие ставили свои подписи под обращением. Это были мужчины и женщины разных возрастов и, видимо, различного общественного положения. Тут же разгорались жаркие дискуссии. Обсуждали выступления в бундестаге лидеров оппозиции, в частности скандальное заявление Штрауса о том, что-де ФРГ нуждается не столько в восточной, сколько в дальневосточной политике.

— Штраус намекал на общность своей антисоветской и антикоммунистической линии с линией маоистского руководства,— говорил студент Мюнхенского университета Хайнц Шолль.— У них и в самом деле немало общего. Те же призывы к авантюризму и безответственной политике. Но в наш ядерный век нельзя безнаказанно играть с огнем!

Примечательно, что этот митинг проходил в Мюнхене, центре западногерманского национализма и консерватизма, где часто проводятся демонстрации и выступления совсем другого рода.

В столице Баварии живет почти полтора миллиона человек. И город продолжает расти. В районе Боргенхаузен возвышается 23-этажный жилой дом и отель для очень богатых людей — «Арабелла-хауз». Владелец его, бизнесмен Йозеф Шёргхубер, недавно побывал в Советском Союзе. Принимая делегацию Аэрофлота в своем роскошном отеле, он говорил, что не разделяет взрывоопасных идей парламентской оппозиции. Он строит отели и дома в расчете на мирное развитие, на общение и взаимопонимание между народами, в том числе и народами наших стран. Сейчас принципы нерушимости границ и ненападения — краеугольные камни реализма в политике.

О новом реалистическом мышлении в политике говорил нам и бургомистр Мюнхена господин Фогель.

— Я надеюсь, что договоры будут ратифицированы,— сказал он.— Если сейчас провести плебисцит в нашей стране, то, ручаюсь, более 70 процентов немцев одобрят ратификацию и нормализацию отношений с Советским Союзом.

В Мюнхене почти рядом с олимпийской деревней взметнулось к небу необычное высотное здание — три гигантских цилиндра, укрепленных вокруг одного стержня. Здание еще не достроено. В нем будут размещаться две тысячи служащих автомобилестроительной фирмы БМВ. Генеральный директор фирмы доктор Хаак пригласил делегацию Аэрофлота осмотреть автомобильный завод. Он сказал, что установление прямого воздушного сообщения между нашими странами будет способствовать расширению взаимовыгодных экономических и торговых связей, а у БМВ эти связи имеют свою историю. Еще в двадцатые годы фирма поставляла Советскому Союзу авиационные двигатели.

Идем по цехам. С конвейеров завода ежедневно сходит 700 элегантных легковых автомобилей. На предприятии трудится много иностранных рабочих, гастарбайтеров, как называют их в ФРГ. Они нам рассказывали, что получают за свой труд гораздо меньше, чем их немецкие коллеги.

Прощаясь с нами, доктор Хаак сказал, что он хотел бы начать переговоры с советскими организациями о продаже большой партии мотоциклов БМВ. Советский Союз и другие государства — члены СЭВ являются достойными торговыми партнерами с большими потенциальными возможностями.

Насколько велик интерес, и, в частности, к сотрудничеству в области воздушного сообщения, показала пресс-конференция, которую провел глава нашей делегации А. П. Усков. Отвечая на вопросы многочисленных корреспондентов, он рассказал о хороших перспективах сотрудничества Аэрофлота и Люфтганзы. Отметил, что установление прямого воздушного сообщения между Москвой и Франкфуртом-на-Майне стало возможным лишь благодаря договору между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 года и коммюнике о встрече Л. И. Брежнева и В. Брандта в Крыму в сентябре прошлого года.

ФРГ уже закупила несколько пассажирских самолетов «ЯК-40». Первые две машины будут доставлены покупателям в ближайшее время. Немецкие летчики и техники проходят подготовку на самолетах «ЯК-40» в одной из летных школ Аэрофлота. А пассажирский лайнер «ИЛ-62» уже не раз арендовали у Аэрофлота иностранные авиакомпании, например, «Эр-Франс».

Совершая поездку по стране, беседуя с деловыми людьми и журналистами, замечаешь и другие приметы развития экономических отношений между нашими странами. За последнее время договоры о научно-техническом сотрудничестве с соответствующими советскими делегациями заключили крупные западногерманские фирмы: «Хенкель», «Хёхст», «БАСФ», «Сименс». Конечно, при огромных возможностях наших стран это только первые ласточки. Может быть, они весны не делают, но расширяют горизонты, укрепляют корни сотрудничества и обмена, полезного в равной степени как для обеих сторон, так и для дела укрепления общеевропейского мира.

Но такое развитие событий, а следовательно, и ратификация договоров стоят поперек горла не только у реваншистов, вроде мюнхенского адвоката Пауля Герберта. Незадолго до нашего отъезда в большом мюнхенском универмаге к нам подошел невзрачный, словно изъеденный молью человек. Назвав себя журналистом, стал задавать провокационные вопросы, делать грязные антисоветские выпады. Здесь же окопались рупоры ЦРУ, радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода». Они уже много лет отравляют эфир ложью о Советском Союзе и социалистических странах.

Антисоветское отребье изо всех сил старается помешать делу мира и прогресса, помешать установлению нормальных отношений между ФРГ и Советским Союзом. Однако эта неблаговидная деятельность обречена на провал. И в этом мы убедились, встречаясь и беседуя с теми честными немцами, которым дорого демократическое и мирное развитие Федеративной Республики Германии.

Т. Тагиев. (Баку). СВАРЩИК.

Выставка произведений художников Грузии, Армении, Азербайджана.

С. Бахлул-заде (Баку). КАСПИЙСКАЯ КРАСАВИЦА.

Г. Ханджян (Ереван). СУМЕРКИ.

Выставка произведений художников Грузии, Армении, Азербайджана.

Вячеслав КОСТЫРЯ
Фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ГОСТИ ИЗ ЕГИПТА: «КАК СТРОИТСЯ СОЦИАЛИЗМ?»

Этот вопрос звучал лейтмотивом во время многочисленных встреч и бесед с советскими друзьями делегации Арабского социалистического союза Египта во главе с членом ЦК АСС Фахри Мухаммедом Абдель Наби. Гости приехали в нашу страну по приглашению ЦК КПСС, чтобы непосредственно ознакомиться с опытом организационно-партийной работы КПСС и партийного руководства хозяйственным строительством.

Москва, Ленинград, Ташкент, Самарканд, Волгоград, Москва... В самом маршруте поездки — символика становления, развития, героической защиты и светлой действительности нашего многонационального государства. Арабские гости, естественно, проявили особый интерес к решению различных социальных, национальных и идеологических проблем за годы Советской власти в Узбекистане, ставшем маяком социализма на Востоке.

Почти два часа длилась интересная, дружественная беседа делегации из Египта с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидовым. Реальные факты, итоговые цифры народнохозяйственных и культурных достижений, типичные примеры ярких судеб рядовых тружеников — лучшие свидетельства выдающихся успехов бывшей колониальной окраины царской империи, достигнутых всего за полвека под руководством партии Ленина.

Славный путь социалистического развития нашей страны, и в частности Узбекистана, арабские гости смогли наглядно проследить, проходя по беломраморным экспозиционным залам филиала Центрального музея имени В. И. Ленина в Ташкенте. Документальная фотография 1898 года — участники Андижанского восстания дехкане-мусульмане, прикованные друг к другу цепями... Под стеклом — красное рабочее знамя ташкентской организации РСДРП — 1905 год... Портреты туркестанских большевиков — Октябрь 1917 года... Арабская вязь шрифта местных газет с сообщениями о событиях гражданской войны... Сдавленная фронтами до предела молодая Советская республика... Декрет об ирригации Голодной степи... Орден, которым трудящиеся Хорезма наградили В. И. Ленина и просили «носить его как символ освобожденного труда на Востоке после многовекового рабства»... Первая электролампа в доме дехканина, первый университет в Средней Азии, первый трактор... Большой хлопок Узбекистана и обретенная страной хлопковая независимость как славный итог братского содружества и взаимопомощи советских народов Союза ССР... Победный 1945 год и куча фашистских знамен, сваленных у подножия Мавзолея В. И. Ленина... Наконец, год 1971-й — 4 миллиона 511 тысяч тонн узбекистанского хлопка в первом году девятой пятилетки во исполнение Директив XXIV съезда КПСС... И в «Книге отзывов» музея появляется еще один волнующий документ — признательная запись по-арабски главы делегации, оканчивающаяся так: «Пусть живет память о Ленине! Да здравствует советский народ и народ Узбекистана!»

...Когда наш гость, потомственный рабочий-текстильщик с 25-летним стажем Сайед Али Рустум — член ЦК АСС, депутат Народного собрания Арабской Республики Египет, отправлялся из Каира в Москву, его от самого дома до аэропорта сопровождали ближайшие друзья, товарищи по партии — человек двести... Он вспоминал их, а также многие тысячи своих избирателей, во время бесед в парткоме, профкоме и цехах Ташкентского текстильного комбината. Он думал о них, когда записывал ответы руководителей предприятия и рядовых ткачей о нормах выработки, премиях, правах членов профсоюза, роли партийного комитета в производственных делах. И словно бы побывал дома, в Каире, когда в цехе, у прядильного станка, на несколько минут занял рабочее место своего советского коллеги. Веселые глаза Сайеда Али Рустума как бы спрашивали: ну, гожусь в ударники? И было как-то очень естественно, что арабского гостя и здесь, в Ташкенте, провожала до самой проходной тоже целая толпа советских друзей.

...Буквально закидал вопросами председателя и члена бюро партийной организации колхоза «Ленинизм» Юсупа Талипова, а также его ближайших помощников член ЦК АСС, секретарь Всеарабского объединения кооперативов и Союза сельскохозяйственных кооперативов Египта Мухаммед Ахмед Идрис. Гости побывали в доме колхозника Шавката Бекмирзаева. Просто так: остановили автомобиль у ворот и попросили разрешения зайти. Беседовали с его матерью-пенсионеркой Михринисcо — она только улыбнулась, когда ее спросили о каких-то отчислениях «на старость» в артельную кассу. Вот на свою сберкнижку — это другое дело, а пенсия — «это положено». Все три ее сына получили бесплатное образование, один — инженер-газификатор, младший учится сейчас в Ташкентском политехническом институте, невестка Фарида — тоже образованная, заведует колхозной библиотекой. Внучата, кому время подошло, все до одного в школе. А как же иначе?!

Делегаты из Египта в Ташкентском музее В. И. Ленина.

Встречи в колхозе «Ленинизм», Ташкентской области.

Это были особенно светлые минуты душевного отдыха партийных деятелей, обремененных большими заботами о судьбах своего народа. На столе пиалушки с душистым кок-чаем, сласти, ломти белых лепешек...

— Знаете, мы как у себя дома! — говорили они растроганно.— Открытость и доброта душ здешних дехкан, как у наших феллахов. Да засияет и для них солнце мира и социализма!

Справедливый мир и социализм — таково направление деятельности АСС, и кажется закономерным, что глава делегации Фахри Мухаммед Абдель Наби не только член ЦК АСС, но еще и ответственное лицо за организацию гражданской обороны в своей стране.

Отвечая на вопросы корреспондентов в Ташкенте, он, в частности, сказал:

— Арабский социалистический союз, объединяя передовые силы Египта, стремится улучшить свою работу, чтобы скорее достичь программных целей. Поэтому мы внимательно изучаем богатый опыт Компартии Советского Союза и используем все, что соответствует условиям, в которых ныне живет наш народ.

Дружба между нашими странами давняя. Она выковалась в совместной борьбе против мирового империализма. Все крепче становятся и связи между нашими партиями. В поездке по стране мы повсюду отмечали главное в опыте КПСС — постоянную активность в осуществлении поставленных задач, подчиненность всех действий интересам народа во имя его благополучия и счастья. Это для нас пример.

Глава делегации АСС и ее члены в своих выступлениях неоднократно подчеркивали решимость правительства Египта, их партии ликвидировать последствия израильской агрессии и продолжать социально-экономические преобразования в интересах народных масс — продолжать строительство социализма.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

ТРАССА ДРУЖБЫ: АЗЕРБАЙДЖАН — ТУРКМЕНИЯ

РЕЛЬСЫ

Паром «Советский Туркменистан» в Бухте Ильича. Баку.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
Фото К. КАСПИЕВА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

ЧЕРЕЗ КАСПИЙ

Бакинские докеры.

Ураган догнал у Нефтяных Камней. Бешеный смерч, мчавшийся от Астрахани, обрушился на судно огромными островерхими волнами. Они не накатывались обычной чередой, а сшибались в беспорядке, вздымаясь до небес и захлестывая рябоватый месяц, а потом с грохотом разбивались о палубу. И ветру было за что зацепиться: высота борта — с пятиэтажный дом.

— Как бы вагоны не растерять,— чуточку грассируя, говорит капитан Зохраб Агаев.— Послушайте-ка, что творится внизу...

В чреве судна равномерный гул машин перекрывается скрежетом, лязгом, треском. Капитан чертыхнулся и вызвал по микрофону в рубку второго помощника.

— Ханахмед,— сказал он.— Нужно продержаться два часа. За Нефтяными Камнями будет потише. Делай, что хочешь, но вагоны закрепи намертво! Сам понимаешь, при таком шторме шутки плохи...

Ханахмед кивнул и загремел сапогами по трапу. Я побежал за ним. На грузовой палубе железнодорожные вагоны: наше судно — паром, курсирующий между Баку и Красноводском. Вообще-то на Каспии пять паромов: «Советский Азербайджан», «Советский Казахстан», «Советский Туркменистан», «Гамид Султанов» и «Советский Узбекистан», на борту которого мы находимся. Это быстроходные, всепогодные суда, им не страшны никакие штормы. Но беда в том, что мы не имеем права идти носом на волну, хотя бортовая качка гораздо опаснее. Как ни надежны крепления, как ни крепки тормоза, килевая качка может раскатать вагоны. Правда, за десять лет существования паромной переправы ничего подобного не случалось. И все же капитаны предпочитают жесточайшую бортовую волну встречной или кормовой.

Ханахмед идет вдоль вагонов и в сотый раз осматривает шланги со сжатым воздухом, ощупывает тормозные колодки, проверяет натяжение цепей, приковавших вагоны к палубе. Все крепко, надежно, и все же буфера нет-нет да и лязгнут.

На грузовой палубе качка досаждает не так сильно, как в руб-

ке. Вагоны вытянулись рядами вдоль бортов и вдоль киля. Так что стоит хотя бы одному вагону сорваться с привязи — и за ним ринутся остальные.

Прибежали вызванные Ханахмедом вахтенные и начали устанавливать дополнительные крепления. Теперь шесть цепных растяжек и четыре упора-домкрата держат каждый вагон. Левую плеть укротили, так начала пошаливать правая.

— Ну и рейс! — Ханахмед качает головой.— И ходу-то всего десять часов, а тащимся, кажется, целую неделю.

— А что за груз в вагонах? — спрашиваю я.— Не испортится он от болтанки?

— Слава богу, ни одной цистерны с молоком,— шутит Ханахмед.— А то бы привезли масло... Из Ашхабада в азербайджанский город Евлах везем вагон с хлопком. Рядом — два вагона из Коканда: оборудование для бурильщиков Армении. Везем сажу для Воронежского шинного завода, отправитель — город Челекен. Два почтовых вагона: Фрунзе — Тбилиси и Ташкент — Ростов. Из Таджикистана идет сырье для Карадагского цементного завода. Ташкентцы отправили в Махачкалу запчасти к автомобилям и тракторам. А вот в этом вагоне груз деликатный: туркменские овощеводы посылают семена в Азербайджан. Еще один вагон — в мой родной Дагестан: пластмассовые изделия из Туркмении. Здесь медикаменты: отправитель — Душанбе, получатель — азербайджанский город Имишли. Дальше — вагон с хлопком в Болгарию, шлифовальные круги — в Ростов, табак — в Очамчиру. Одним словом, даже по одному рейсу можно судить, как крепко связывает паром Среднюю Азию с Закавказьем, Россией...

— Но ведь паромная переправа существует всего десять лет. А как обходились раньше?

— Да так и обходились: вагоны гоняли чуть ли не через Москву. На это уходило не меньше месяца, а теперь — два-три дня. Ежегодно паромы перевозят 125 тысяч вагонов, или 3 миллиона 700 тысяч тонн самых разнообразных грузов. Это гораздо больше, чем все суда Каспийского пароходства. Теперь представьте, сколько надо времени, чтобы загрузить трюмы огромного сухогрузного судна,— не меньше недели. А чего стоит перевалка грузов из вагонов в трюмы и потом из трюмов в вагоны и грузовики. Никакого сравнения с паромом!

Одним словом, «рельсы», проложенные через Каспий, не только крепко, но и надежно связывают братские республики. Трасса дружбы позволила в Армении, Грузии и Азербайджане строить предприятия, работающие на среднеазиатском сырье, и наоборот... Весенние полевые работы в Туркмении и Узбекистане начинаются раньше, чем на Кавказе. В это время паромы перебрасывают сельскохозяйственную технику в Красноводск. Зато осенью на Кавказ идут эшелоны с хлопкоуборочными машинами.

Капитаны паромов до сих пор вспоминают напряженную работу в первые месяцы после ташкентского землетрясения: непрерывным потоком шли в Ташкент стройматериалы, блоки, панели и целые дома в разобранном виде. Через несколько лет от землетрясения пострадал Дагестан. И снова паромы возили платформы с панелями и блоками, только теперь в обратном направлении.

...Ураган все усиливался. Мы, конечно, не знали, что именно он принесет в Азербайджан горы снега, ледяным панцирем скует Бухту Ильича, отрежет Баку от пригородов, и продукты туда будут доставлять на вертолетах...

На траверзе Нефтяных Камней капитан снова вызвал помощника.

— Поднимай всю команду! Если что... держите вагоны руками,— хмуро усмехнулся он.

Ханахмед молча кивнул и ушел.

А капитан зажмурился и решительно выдохнул:

— Право на борт!

Описывая большую дугу, мы начали входить в поворот. Будто учуяв легкую добычу, волны с еще большей яростью набросились на судно. Был момент, когда не прошла бортовая качка, а к ней добавилась килевая. Нос корабля нырнул в пустоту, корма задралась, винты с визгом распороли воздух. Потом нос ткнулся в низкое облако, а корма исчезла под водой. Началась та самая килевая качка, которая «крайне нежелательна». Около часа паром шел носом на волну, и ни разу не лязгнули буфера. Да, Ханахмед знает свое дело!..

Вскоре показались огни Нефтяных Камней. В Бухту Ильича мы вошли глубокой ночью. Волна здесь была гораздо меньше, но шквалистый ветер прорывался и сюда. Это сильно усложняло швартовку. Паром швартуется не бортом, а кормой. Надо с ювелирной точностью зайти в специальное ложе и на самом малом ходу подойти к морской части переходного моста. Причем клюв моста должен попасть в так называемый стакан парома — иначе рельсы не сойдутся и вагоны не удастся выкатить.

Зохраб Агаев провел всю эту операцию артистически, я бы даже сказал, изящно.

Встретил нас начальник паромной переправы В. Я. Жолодов.

— Как рейс? — спросил он.

— Нормально,— ответил капитан.— Правда, немного выбились из расписания: бегали к Нефтяным Камням.

— Да-а, сегодня там не сладко.

Мы ходили по причалам, железнодорожным путям, и Валентин Яковлевич рассказывал:

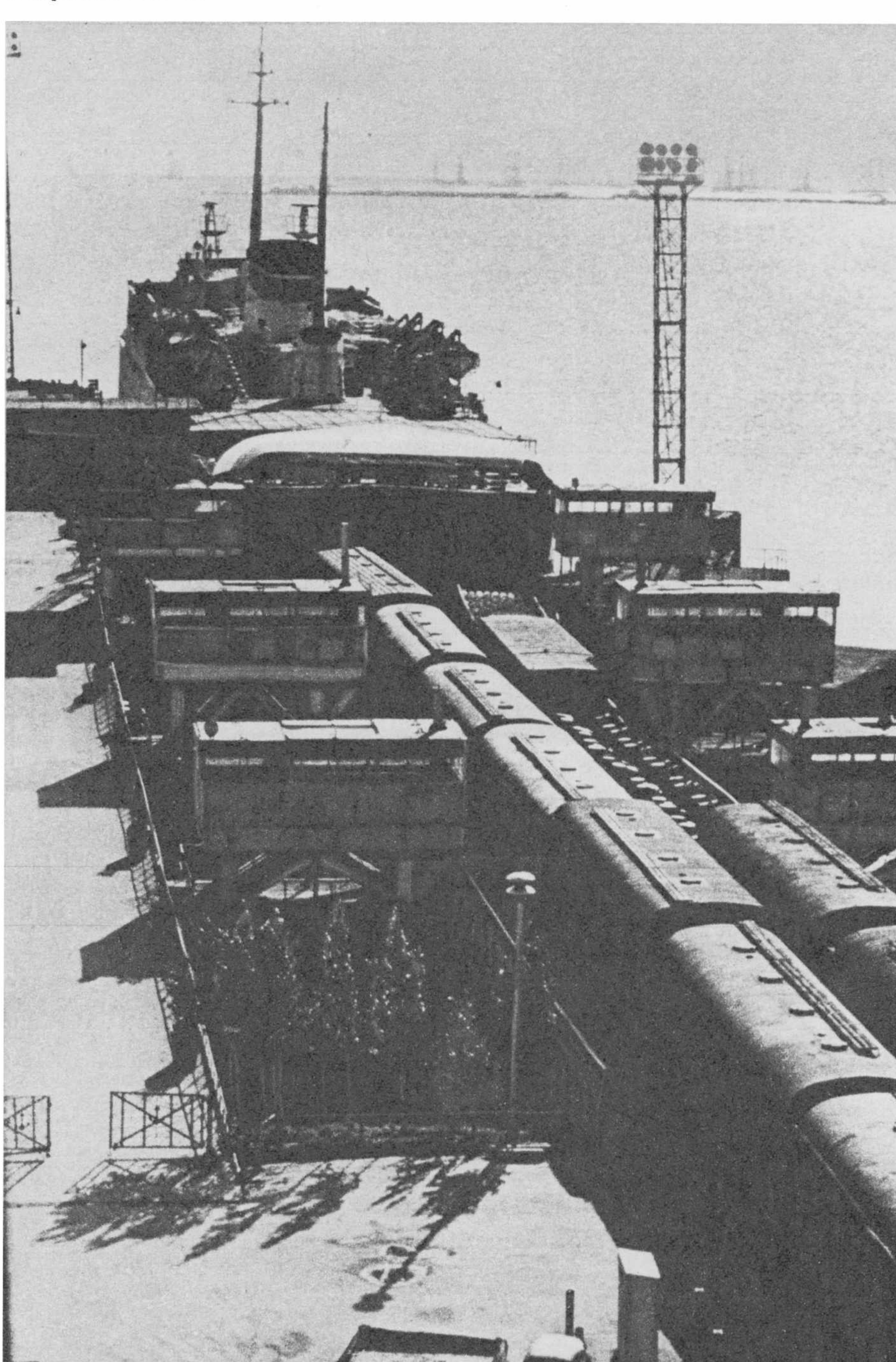
— Тринадцать лет назад на этом месте было море. Потом земснаряды начали намывать грунт. Тем временем бакинский институт «Касморниипроект» разработал проект всей паромной переправы — и у нас и в Красноводске. Дело было новое, незнакомое, но справились неплохо. Гидротехнические сооружения делали бакинцы, подъемные механизмы — ленинградцы, электрооборудование — ростовчане, переходные мосты — москвичи, а паромы строили на Сормовском заводе. И все работали дружно, по-ударному. Судите сами: в пятьдесят девятом году в бухте появились земснаряды, а в шестьдесят втором отправился в первый рейс «Советский Азербайджан»...

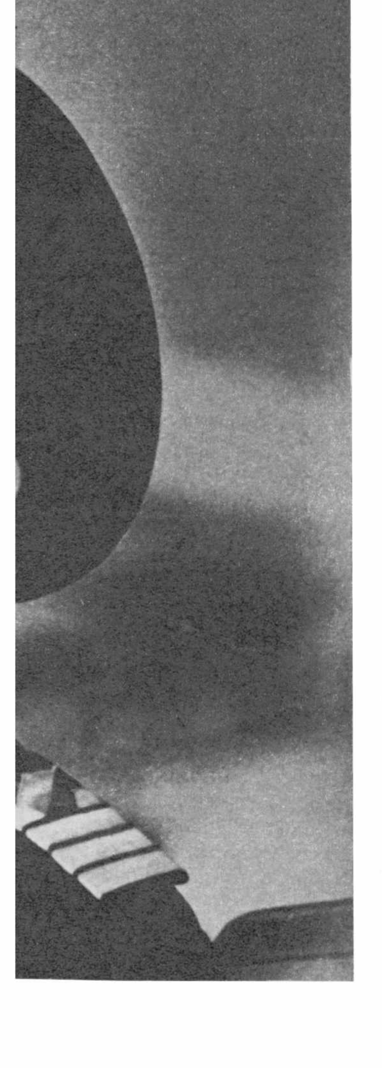
Паром разгрузили и тут же закатили новые вагоны. Пройдет всего десять часов, и съедут они на красноводский берег, а потом разбегутся по дорогам Туркмении, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Казахстана...

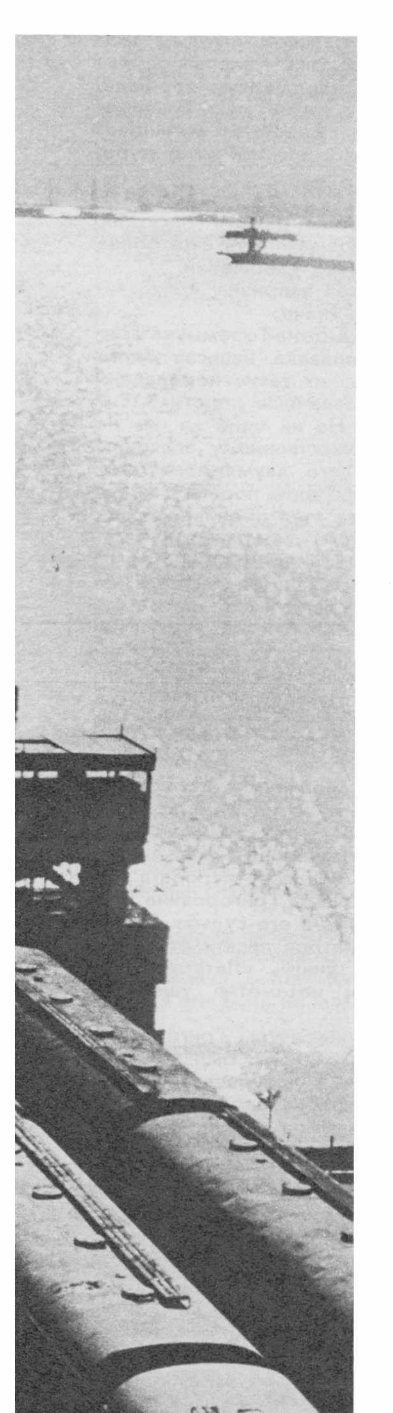

Зохраб Агаев — капитан парома «Советский Узбекистан».

Морской поезд...

ПОРА ВОЗМУЖАНИЯ

На столе объемистая книга с ярким, необычным рисунком на обложке. Закрыта последняя страница. И все мысли и чувства — о героях этой книги, о делах их, об их жизни и судьбах, показанных впечатляюще, убедительно, талантливо.

Как бы лирический запев к сборнику «Белорусские повести»— «Седая легенда» Владимира Короткевича, романтическое, взволнованное повествование о событиях давних лет — о белорусских крестьянах, поднявшихся на борьбу против феодалов. С темами из истории Белоруссии связаны почти все произведения молодого писателя, и повесть «Седая легенда» — одно из наиболее значительных.

От книги веет духом современности, несмотря на то, что из шести повестей только две — «Самый высокий этаж» Алеся Савицкого и «Наддвинская летопись» Валентина Мысливца — посвящены непосредственно нашим дням.

События Великой Отечественной войны становятся для нас историей, уходят в историю. Но каждое произведение, каждая книга грандиозной военно-патриотической летописи, в основе которой события минувшей войны, более чем современны.

Широко известна входящая в этот сборник повесть Ивана Шамякина «Огонь и снег» (из цикла «Тревожное счастье»), в которой писатель одним из первых рассказал правдиво и взволнованно о событиях начала войны.

Герою произведения И. Шамякина, от имени которого ведется повествование, приходится в первом же бою пройти испытание на стойкость. Писатель не рисует своего героя богатырем, совершающим невиданные подвиги. Наоборот, молодой зенитчик, вчерашний курсант, растерялся в тот момент, когда пушку заклинило. И с точки зрения жизненной убедительности здесь важно не только то, что герой И. Шамякина находит в себе силы выбить заклинивший пушку снаряд, не только то, что «какая-то неразумная, отчаянная решимость» охватила его в тот миг, но и то, что ему «как маленькому... захотелось прижаться к груди этого сильного и смелого человека», своего командира.

Не менее достоверно и психологически тонко удалось другому соавтору этого сборника, Владимиру Павлову, в повести «Спелые травы» раскрыть сложный духовный мир своей героини, прошедшей суровые пути-дороги войны, испытавшей на себе все тяготы ее и невзгоды и не растерявшей чистых чувств сердца своего, добрых помыслов и богатства души.

Событиям Великой Отечественной войны посвящена и самая оптимистическая и светлая повесть Василя Быкова «Альпийская баллада».

Не проста и не легка жизнь бригады строителей, их труд, показанный в повести Алеся Савицкого «Самый высокий этаж». Духовный облик героя выписан здесь во всей его сложности, конфликты заострены писателем здесь до предела, ибо только такой подход дает художнику возможность наиболее полно раскрыть социальное развитие личности.

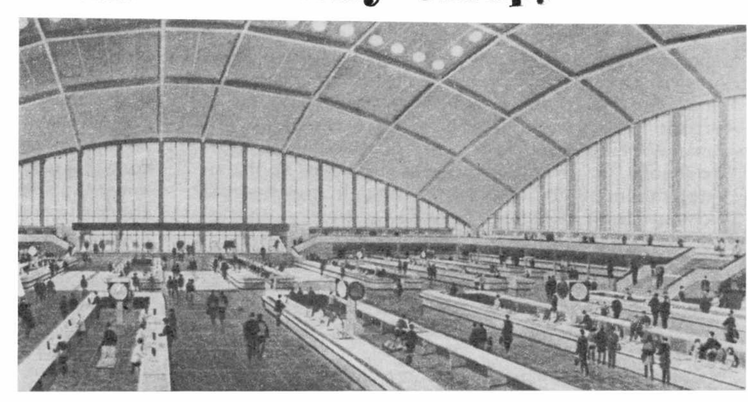
Глубоко показательна именно в этом плане повесть Валентина Мысливца «Наддвинская летопись», заключающая книгу. Нелегкую задачу задала жизнь Василю Купчину, возвратившемуся в родные места. Мучительно трудно вживается он, бывший прораб, на новой стройке. Но ни вынужденное «бригадирство» после «прорабства», ни перевод бригады на хозрасчет, который некоторыми строителями был встречен в штыки, не обескуражили молодого бригадира, не сломили его волю. Он находит свое место в жизни и на этом новом ее этапе.

Глубочайший интерес советской литературы к проблемам общества, к человеческой личности — в центре самого пристального внимания и белорусских литераторов. А это свидетельствует о единстве пути братских литератур нашей страны, в том числе и белорусской.

С. ЛИСИЦКИЙ

Белорусские повести. Лениздат. 1971.

Быть большому базару

Такого рынка не было до сих пор в Белоруссии, да, пожалуй, и во всей стране тоже. Для него выделено пять гектаров земли, один из которых отвели под огромный, увенчанный куполом павильон. В крытом павильоне смогут одновременно торговать 1 200 человек, а, кроме них, около двух тысяч разложат свои товары на открытых площадках. Большой будет базар!

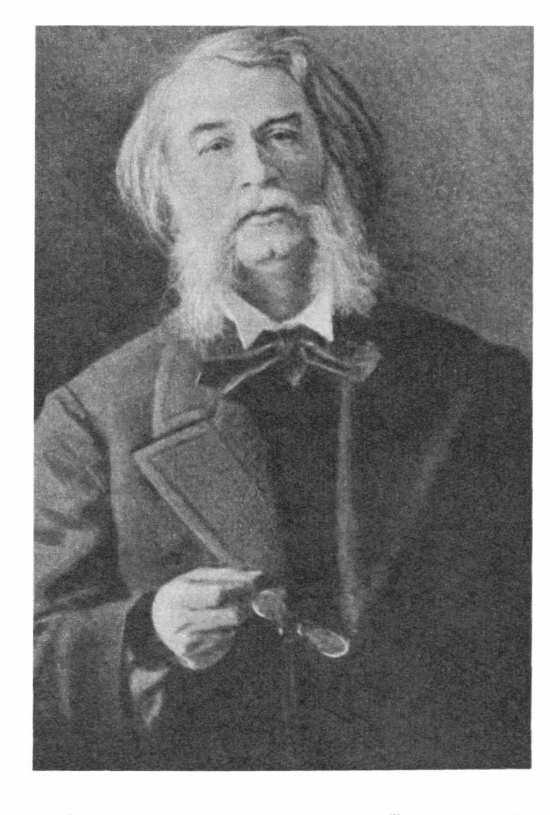
Возле рынка откроются гостиница, магазин, предприятия бытового обслуживания. Рынок будет сооружен в столице республики Минске, в районе Комаровки, известной своей торговой биографией.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. В. ГРИГОРОВИЧА

ПОЛНОВЕСНОЕ СЛОВО

С. МАШИНСКИЙ,

Это был крупный и очень одаренный писатель. Он прожил большую и сложную жизнь. А его литературная судьба сложилась необычно и драматически. В 40-х годах Григорович находился в самом центре литературных событий. Его читали нарасхват. О нем писали лучшие критики. Но потом вслед за триумфальным успехом ранних повестей Григоровича его литературное имя начинает меркнуть. Нечитаемый и забытый, он дожил до самого конца XIX века, до 1899 года, и умер почти в полной безвестности, как писатель давно минувшей литературной эпохи.

Первое значительное произведение Григоровича — очерк «Петербургские шарманщики» — было опубликовано в 1845 году, в некрасовском альманахе «Физиология Петербурга», явившемся своего рода манифестом «натуральной школы». Вместе с Григоровичем в обеих частях альманаха участвовали Белинский, Некрасов, Даль, Гребенка, Кульчицкий, Панаев. В статьях, очерках и рассказах этих литераторов открывалась широкая панорама Петербурга. Но только не того Петербурга, который был воспет поэтами предшествующих поколений. Совсем другие стороны этого города открылись на страницах альманаха: жизнь петербургских мастеровых, дворников, нищих, проституток, разнообразных обитателей подвалов и чердаков. Быт и нравы этих людей, трагедия их мученического существования никогда еще не привлекали к себе столь пристального внимания нашей литературы.

В «Петербургских шарманщиках» Григоровича не происходит никаких особых событий. В этом очерке лишь бытовые картинки с натуры, зарисованные, однако, с тем острым и точным прицелом, который создавал ощущение доподлинной жизни. Образ бедных уличных музыкантов, едва зарабатывающих на пропитание своим нелегким трудом, вырастает в символ жестокой неустроенности мира, его вопиющей социальной несправедливости. В среде уличных артистов есть нищие труженики и богатые хозяева — «аристократы», нещадно эксплуатирующие своих работников. Тот, у кого есть деньги, помыкает теми, у кого их нет. Этот микромир шарманщиков становится точным слепком общества, в котором обесценена совесть и действуют волчьи законы собственнического строя.

Как свидетельствовал сам Григорович, «Петербургские шарманщики» были написаны по совету Некрасова. Они явились одним из самых примечательных образцов того жанра «физиологического очерка», который культивировали писатели «натуральной школы».

В 1846 году и в следующем, 47-м Григорович опубликовал две повести, заставившие о себе заговорить всю читающую Россию. Григорович совершил в них выдающееся художественное открытие, имевшее весьма важные последствия для всей русской литературы.

В основу сюжета «Деревни» легла невыдуманная история, случившаяся в имении матери писателя. В своих «Литературных воспоминаниях» Григорович рассказал о том впечатлении, какое она на него произвела. Это история крепостной девушки, которую насильно выдали замуж за нелюбимого и не любившего ее грубого молодого парня, а тот возненавидел ее и забил до чахотки и смерти.

Как это часто бывает в писательской практике, случайно услышанный эпизод, пропущенный через магический кристалл фантазии художника, получил новую жизнь, и притом куда более емкую и достоверную, чем частный, единичный случай.

Ужасающая драма скотницы Акулины и ее маленькой несчастной дочери Дуньки обрела в повести Григоровича такую силу художественного обобщения, которая доступна только истинным произведениям искусства. В этой повести отразились кровоточащая боль и горе всей крестьянской, крепостной России.

Однако заслуга Григоровича заключалась вовсе не только в том, что он правдиво рассказал об ужасах крепостничества. После Фонвизина и Радищева в этом отношении, казалось, мало уже чем можно было удивить русского читателя. «Деревня» обладала еще одной существенной особенностью. Никто до автора этой повести не сумел так проникновенно и поэтически заглянуть в душу простой крестьянки и ощутить безмерное величие духа этого человека.

Григорович был писателем либерального склада мысли. В его изображении крепостнической действительности нет того огня и негодования против трагических устоев жизни, которые кипели, скажем, в статьях и письмах Белинского или стихах Некрасова. Но отблески этого огня легли и на некоторые страницы повести Григоровича, создававшейся, кстати, в годы наибольшей близости писателя к Белинскому. Недаром Тургенев, потрясенный «Деревней», заметил, что это была «по времени первая попытка сближения нашей литературы с народной жизнью, первая из наших «деревенских историй».

По следу Григоровича пошел вскоре и Тургенев, своими «Записками охотника» открывший новые дали в поэтической разработке деревенской темы, а за ним Некрасов, Щедрин и Лев Толстой.

Но и сам Григорович не стоял на месте. Успех первой повести окрылил молодого писателя. Год спустя вышла в свет другая его повесть, еще более сильная и пронзительная, «Антон-Горемыка».

Григорович поведал здесь миру еще одну трагическую историю... Нечем заплатить Антону подушную подать. Единственная надежда на лошаденку, которую он ведет на ярмарку, чтобы продать. А там ее подстерегли конокрады... Вот, собственно, и весь сюжет. Но разве в нем дело?! Главное достоинство этой повести — в том искусстве, с каким писатель сумел выразить атмосферу безграничного трагизма крестьянской жизни, ту меру отчаяния, которым охвачен Антон, и ту неотвратимо вспыхнувшую в нем ярость, которая едва не доводит этого смиренного человека до крайности. Впрочем, даже довела.

К сожалению, до нас не дошла первая редакция финала повести. Мы знаем о ней лишь в беглом, схематическом пересказе Григоровича, сохранившемся в его воспоминаниях. Поначалу повесть завершалась тем, что крестьяне, доведенные управляющим до лютого озлобления, поджигают его дом, а самого бросают в огонь. Но цензура здесь стала насмерть. И тогда Никитенко, официальный редактор «Современника», дабы спасти повесть и очередную книжку журнала, самовольно сочинил в ней другой конец: управляющий остается невредимым, а возмутившиеся мужики, прежде чем быть отправленными на поселение, каются и просят прощения... В таком искалеченном виде повесть впервые появилась на свет божий, точно так же она печатается и ныне. Изначальный текст Григоровича не сохранился.

Но даже искалеченная и ослабленная цензурным вмешательством, повесть «Антон-Горемыка» стала событием. Давно уже не появлялось в России произведения, которое бы так взбудоражило общественное мнение. Белинский с оглядкой на цензуру осторожно заявил: «Эта повесть трогательная, по прочтении которой в голову невольно теснятся мысли грустные и важные». Но в частном письме он смог сказать более откровенно: «Ни одна русская повесть не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину — законное наследие его благородных предков».

«Деревня» и «Антон-Горемыка» значительно подняли престиж «натуральной школы». Эти две повести, писал Щедрин, — «первый благотворный весенний дождь, первые хорошие, человеческие слезы, и с легкой руки Григоровича мысль о том, что существует мужик-человек, прочно залегла и в русской литературе, и в русском обществе».

Обе повести Григоровича явились яркой и значительной заявкой талантливого писателя, предвещавшей в нем возможность еще более серьезных художественных свершений.

Но судьба писательская капризна, прихотлива, и она распорядилась иначе.

После «Деревни» и «Антона-Горемыки» Григорович прожил еще полвека, написал много произведений, и среди них такие немаловажные, как романы «Проселочные дороги», «Рыбаки», «Переселенцы». Но ни одно из них не могло по своему художественному значению сравниться с первыми его двумя повестями. В конце 50-х годов Григорович порвал с «Современником», все более стал проникаться настроениями политического либерализма и отходить от передовых идей времени, которым был близок в предшествующем десятилетии. Правда, в романах он продолжал оставаться верным своей теме — изображению картин народного быта. Но не было в тех романах первозданности художественного открытия. Писатель как бы шел в них по собственному следу, ничего принципиально нового уже не создавая.

Правда, после долгих лет душевного смятения и кризиса имя умолкнувшего писателя неожиданно снова блеснуло на литературном небосклоне, когда в 1883 году появилась его прелестная повесть «Гуттаперчевый мальчик» — о трагической судьбе циркового акробата. Но эта поздняя вспышка таланта Григоровича уже ничего не могла изменить в его судьбе. После того он прожил еще полтора десятилетия. Написал замечательную книгу «Литературные воспоминания» и почти незаметно ушел из жизни...

В истории русской литературы Григоровичу принадлежит видное место. Это был крупный художник, знавший пути к полновесному слову. Толстой называл его «прекрасным писателем», начинавшим «важное направление». В этих словах точно определено историческое значение автора «Деревни» и «Антона-Горемыки».

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ

Сергей ВИКУЛОВ

ПРИРОДА-МАТЬ

РОДНАЯ ПЛАНЕТА

И вот мы на Луне в конце концов,
земляне! Обернулась сказка былью.
Мы вышли на крыльцо.
И нам в лицо
пахнуло нежилою мертвой пылью.

А что там — дальше?
Может, пыль опять?..
Сигналим в космос мы — ответа нету.

И так нам, людям, хочется обнять
свою, как мать, любимую планету!

Кто-кто, а мы-то знаем, что она
одна такая в Солнечной системе.
Несется,
птичьим щебетом полна,
и плеском вод, и шелестом растений...

На ней есть Жизнь.
И, как всему венец,
на ней есть Разум.
Он могуч! Он может
Жизнь эту
иль украсить и умножить,
иль в прах ее повергнуть, наконец.

«ЗЕЛЕНЫЙ ДРУГ»

«Зеленый друг» —
так выспренне подчас
мы говорим про лес.
И на досуге
у нас болит душа о нашем друге:
«В лес, в лес!»
И он одаривает нас
всем, чем богат.

Там травы до колен,
а там грибы...
Не сбейся только с круга.

Но честно ль это:
все забрать у друга
и ничего не дать ему взамен?!

* * *

Ах, трудно ли,
ножом вооружась,
раздеть березу — тихую простушку,—
и нацедить прохладной крови кружку,
и затоптать ее сорочку в грязь!..

Она в лесу останется стоять,
как черный вскрик,
что где-то рядом рыщет
двуногий зверь
с ножом за голенищем...
И роща будет в страхе трепетать.

ВОДА БАЙКАЛА

...И сели мы за столики.
Байкал
за окнами сверкал, переливался...
Хотелось пить. Я взялся за бокал,
да зря: графин порожним оказался.

И девушка
(«Что, кончилась вода?»)
взяла графин — я даже не поверил
своим глазам сначала —
и айда!..

Куда?
А на крыльцо.
С крыльца — на берег.

Она не замочила даже ног...
Вода была,
как в первый день творенья,
прозрачна. И вкусна!

И я не мог
не написать о том стихотворенья.

О ЛЮБВИ К ПРИРОДЕ

— «Я не люблю природу!
С детских лет
питаю неприязнь к полям и рекам...»
Слыхали вы хоть раз от человека
слова такие?
— Нет.
— Я тоже — нет.

Все, как один,
в любви клянутся ей,
в любви большой,
вовек неистребимой...

Но кто же,
кто наставил «фонарей»
ей,
всеми нами преданно любимой?!

ОТ КРЫЛЕЧКА

«...стартовали от крылечка».
(Из статьи критика Н.)

Да,
я стартовал от крылечка!
И этим, мой недруг,
горжусь!
Крылечко,
да русская печка,
да сани, да в бляшках уздечка —
сама изначальная Русь.

Расправив могутные плечи
и смутных желаний полна,
на небо и землю
с крылечек
веками глядела она.

Поскольку была избяною
и сплошь земляною была,
поскольку, добавлю, иною
пока она быть не могла.

Замученной ей,
но живучей,
как сын,
заглянув в старину,
ни лапти ее, ни онучи
вовек не поставлю в вину!
Напротив, я буду все боле
дивиться,—
изыдь, сатана! —
как в этой жестокой недоле
душой не зачахла она.

Как в ней совместились счастливо —
и в этом ее высота! —
незлобивость
и совестливость,
достоинство
и прямота!

Земля, над которою вместе
с конягой пластался мужик,
его не учила ни лести
(пусть лучше отсохнет язык!),
ни лжи,
ни торгашеству...

Не был
он мастер купить и продать.
Умел он — свидетелем небо —
насытиться квасом да хлебом
и нищему корку подать.

Забитого,
долготерпеньем
корить ты его погоди.
Запомни,
что точка кипенья
высокая в русской груди!

И, право, тебе забывать бы
не след,
говоря о былом,
кто рушил с Емелькой усадьбы,
со Стенькою шел напролом.

Кто,
чашу терпения выпив,
по Зимнему вдарил плечом...
И гнев тот
октябрьский
Великим
историей был наречен!

И рухнуло рабство.
И с треском
кругом послетали замки...
И к гневу тому, как известно,
причастны в лаптях мужики!

Громили они супостата,
рубили, оставив дела...
Выходит,
крылечко для старта —
площадка не так уж мала...

Не так и неистинна, к слову
(тут, недруг, ты бил наповал),
мой тезка
русоголовый —
Есенин — с нее ж стартовал!

Юность Углича

Галина **КУЛИКОВСКАЯ**

Картинная россыпь куполов. Плакучие березы в блестках инея... Улицы с редкими прохожими, где грохочущий грузовик воспринимается как странное и грубое вторжение техники. Углич, такой хрестоматийно знакомый, щемящий сердце своей историей, я узнаю тебя! Века пронеслись над тобой, тебя испепеляли и превращали в руины. «Горькую чашу испил ты за русскую землю»,— писал летописец. Но каждый раз ты подымался как победитель над пришельцами и временем.

Нет, не о редкостной, дивной красоте древнего Углича, запечатленной в талантливых творениях народного искусства, хотела бы я рассказать! Я вижу сегодня другой Углич, Углич молодой, задорный, с жизнерадостным, громким голосом и веселыми песнями. Подобно юноше, которому стала узкой куртка и короткими брюки, он вышел из древнего кремля, из улочек старого города на широкий простор Приволжья и огласил берега новыми звуками: шумом падающей воды, гулом электрических моторов, мягким шелестом конвейеров.

Сделайте несколько шагов по хрустящему снегу на откосе, и перед вами откроется прямоугольный массив первой ГЭС волжского каскада, геометрически четкий контур плотины и арки шлюза. Угличская станция дала ток Родине накануне войны и открыла шлюз в самую тяжелую для нее годину — в сорок первом году.

Поверните на юг — и перед вами окажется Углич без маковок и шатров. Углич в типичном облике XX века: рядами пятиэтажья, открытые солнцу площадки. Рабочий поселок так и называется — Солнечный.

Сядьте в автобус — и он доставит вас в противоположный конец города, на Рыбинское шоссе. Снова железобетон, алюминий, стекло... Тут, на самой оживленной магистрали Углича,— гавань «Чаек». Нет, не тех, белокрылых, что скоро воспарят над Угличским рукотворным морем. «Чайками» называются «изящные по форме, совершенные по конструкции», как явствует из рекламы, женские часы. Каждые сутки здесь появляется на свет десять тысяч «Чаек»: золоченые и хромированные, со стеклом из синтетического корунда или оргстеклом, часы-кулоны и часы-браслеты... В Америку, Австралию, Африку, Европу, в пятьдесят стран мира летят угличские «Чайки». Летят даже в Швейцарию, к стародавнему экспортеру часов. Более шести миллионов женщин за рубежом носят «Чайки», живут по угличским часам! Какова же оценка их? Вот отзыв В. Венгера, вице-президента канадской фирмы «Венгерс»: «Мы рассматриваем Угличский завод как один из лучших. Он создает доброе имя советским часам». Директор шведской фирмы «Асу», респектабельный господин Янсон, посетивший завод в августе прошлого года, выразился в беседе с директором завода Н. Н. Старостиным еще более конкретно: «Я доволен качеством часов вашего завода. Большой интерес представляют часы в водо- и пылезащитных корпусах. Их предпочитают наши женщины, они особенно удобны для домашних хозяек. На 72-й год я предполагаю купить 11 тысяч ваших часов».

Мне показывали цеха, светлые, прозрачные, с телевизорами, мягкими креслами и цветами в холлах, прямо-таки санаторной красоты, в которых люди работают только в белых халатах. Называли фамилии тех, кто умножает славу современного Углича. Их много — тысячи. И больше всего женщин. Собирают они крохотные детали. Некоторые из этих деталей так ничтожно малы, что дунь — и они улетят золотыми и серебряными пылинками. Одна из них, если посмотреть на нее через проектор, увеличивающий изображение в сорок раз, напоминает трезубец Нептуна. Называется она анкерной вилкой. Так вот эта «пылинка» особо ответственная. От того, как она будет установлена, зависит точность хода часов, верность времени, которые показывают «Чайки». Поэтому и называется эта операция «ладка хода». Может быть, покупательницам часов небезынтересно будет узнать, что анкерную вилку в часах модели 1609А с центральной секундной стрелкой устанавливает Галя Ватутина, дипломница приборостроительного техникума? Три года понадобилось ей, чтоб освоить все операции сборки часов и подобраться к этой, особо ответственной «пылинке».

Поклонницам «Чаек» захочется, вероятно, познакомиться и с творцами столь высоко зарекомендовавшего себя механизма часов. Пожалуйста, Тамара Ивановна Желобаева, фотография которой на нашей вкладке, начальник конструкторского бюро. Желобаева, как и Ватутина, тоже потомственная угличанка. Здесь и родилась, здесь и училась. Потом работала, как и Галя Ватутина, сборщицей, имела дело с «трезубцем Нептуна» и снова училась. Сначала в техникуме, потом в институте. И вот уже несколько лет конструирует часы.

А теперь я поведу читателя мимо новых магазинов, детских садов и строящихся зданий по тихим-тихим, напоенным дыханием леса улицам,— а улицы действительно упираются в бор,— на набережную Волги. В трехэтажном здании с торжественным портиком — Всесоюзный научно-исследовательский институт маслодельной и сыродельной промышленности.

В пору, когда советское сыроделие только становилось на ноги и в Угличе был не институт, а всего лишь лаборатория, ее сотрудники получили на Алтае один из первых отечественных сыров — «Советский». Потом уже здесь, на заводе, родились «Угличский», «Ярославский», «Пошехонский», «Костромской» сыры... Ныне на счету института с тремя его филиалами — в Прибалтике, на Кавказе и в Сибири — около пятидесяти видов сыров. Самый популярный из них, как показала торговая статистика,— «Российский». Поэтому и выработано его было в СССР в прошлом году больше всего — около шестидесяти тысяч тонн из четырехсот пятидесяти двух.

В институте можно поговорить с создателем «Российского» сыра Алексеем Михайловичем Николаевым. Сорок пять лет своей жизни он отдал сыроделию. Полный энергии и бодрости семидесятилетний ученый-ветеран расскажет, как помогал белорусам налаживать производство полюбившегося им «Российского». Не всегда удачным получался он у них. Николаев ездил по заводам, учил мастеров. Недавно пришло в институт из Минска письмо — Министерство мясной и молочной промышленности республики благодарит за помощь. Пошел «Российский» сыр и на земле Белоруссии, и пошел успешно!

Я интересуюсь, какие новинки готовит институт к нашему столу. Павел Фирсович Крашенинин, директор института, произносит незнакомое слово «арман». Что это такое? С казахского на русский язык это слово переводится так: «мечта». Жители южных областей Средней Азии давно мечтали о сыре, который бы не портился и не старел от жары. Екатерина Кузьминична Матвеева, директор Барнаульского филиала, сумела перехитрить и время и зной: придумала сыр, которому температура нипочем — он достаточно стоек и не теряет вкуса. К выпуску «Армана» приступил Меркенский завод Джамбулской области.

— Не думайте, однако, что придумать сыр — это значит составить его рецептуру. Рецепт для всех сыров один и тот же: самое свежее, сразу после дойки, коровье молоко определенного состава,— поясняет Крашенинин. — Все дело в прописи — технологической инструкции. Совсем недавно получил апробацию «Копринский» сыр. Два года бились над ним. Откуда пошло название? На берегу Рыбинского моря, в 80 километрах от Углича, есть село Коприно. Упоминается оно в ленинском труде «Развитие капитализма в России»: в Коприне работала сыроварня, одна из первых в России. Отмечая столетие сыродельной промышленности, мы и решили назвать новый сыр «Копринским». Сыры такого типа еще не производились в нашей стране. В нем впервые широко используются сывороточные белки. Над этой проблемой работают сыроделы многих стран. Понятно почему: из каждой тысячи тонн молока получается на десять тонн сыра больше. Что же касается вкусовых качеств — отведайте сами.

На столе крепкий чай и ломтики сыра, похожего на «Голландский». Но вкус у него немного другой, с кислинкой, да и мягче он, сочнее, нежнее. Уж не станет ли новый сыр конкурентом «Российскому»?

Над созданием «Копринского» сыра работала целая группа ученых, но главный его автор — директор института П. Ф. Крашенинин. Группе удалось добиться выигрыша и во времени: по сравнению с «Российским» «Копринский» сыр созревает в два с половиной раза быстрее.

Был когда-то Углич городом каменщиков и ткачей, шорников и обработчиков металла, иконописцев и плотников... Стал Углич городом энергетиков и машиностроителей, часовщиков и сыроделов наивысшей квалификации, городом большой культуры труда.

Древен город Углич...

Здесь рождаются лучшие советские сыры.

Фото М. САВИНА.

Дом Ворониных. Начало XVIII века.

Опальный колокол.

Старинные часы Кремля.

Начальник конструкторского бюро Т. И. Желобаева и конструктор Т. А. Ваганова работают над новой моделью.

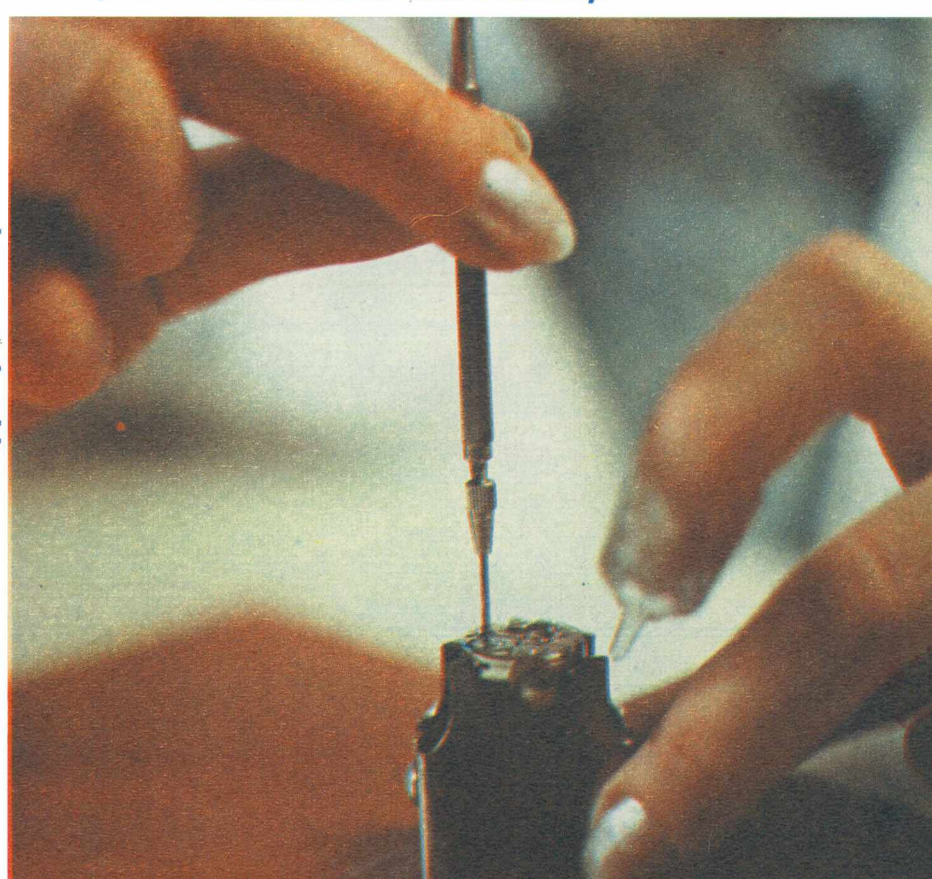

Сборочный корпус часового завода.

Коля Ковтарев созывает на урок.

Современные часики величиной с копейку.

В бригаде сборщиков мастера Л. И. Глушковой праздник — ей присвоено высокое звание коллектива коммунистического труда.

Людмила Чечнева производит завершающую операцию сборки часов — «Пуск в ход».

ДОРОГА К ГЛАВНОЙ КНИГЕ

Константин СЕРЕБРЯКОВ

Мариэтте Шагинян восемьдесят четыре года, а пишет она сейчас, как в молодости,— свежо, увлекательно и глубоко. Секрет этого, по-моему, в постоянной, неутомимой способности учиться, в умении переучиваться, в движении к новому знанию, новому переосмыслению прошлого. В 1912 году она окончила историко-философский факультет Высших женских курсов в Москве, позже была послана в Гейдельберг писать магистерскую диссертацию. Но первая мировая война прервала ее научную карьеру, а Великая Октябрьская революция, которую она приняла всем своим сердцем, заставила ее снова взяться за науку. В Плановой академии, куда М. Шагинян поступила в 1931 году, она изучила «Капитал» Маркса и прочитала Ленина. Знание Гегеля помогло ей глубоко овладеть марксистской диалектикой.

Вот эту высокую культуру мышления, большой багаж знаний, владение западноевропейскими языками, усвоенную еще в юности строгую дисциплину труда, а вместе с этим жадную пытливость ума в поисках правильного, наиболее человечного миросозерцания, приведшую ее к Ленину, и привнесла Мариэтта Шагинян в свое литературное творчество. Связь философского мышления с большим художественным талантом создала оригинальную особенность творчества Шагинян, которую отмечают почти все ее критики и даже сопоставляют с особенностями литературного дара Герцена, у которого, по выражению Белинского, главная сила «в мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанной и развитой».

Мариэтта Шагинян изъездила весь наш Союз, и в течение пятидесяти лет ее очерки о стройках, заводах, колхозной деревне, научных институтах составили последовательную летопись создаваемого нашим народом.

Во время Отечественной войны она изучила промышленность Урала и Сибири и написала книгу «Урал в обороне». Немало очерков посвящено ею проблемам послевоенного периода, и всегда они актуальны и глубокохудожественны. Так было, например, с ее знаменитым выступлением в печати «Выбор варианта», направленным против уже утвержденной трассы одного из участков строившейся Южно-Сибирской магистрали как нерентабельной, оставлявшей в стороне белорецкие рудные залежи и огромные лесные богатства. Решение было пересмотрено, предложение Шагинян принято.

Просто удивляешься, как с этой постоянной оперативностью очерка, требовавшей от писательницы разъездов, изучения и анализа множества материалов, она успевала одновременно создавать художественные произведения («Перемена», «Месс-Менд», «Приключение дамы из общества», «Кик», наконец, «Гидроцентраль», переведенную на многие языки и вошедшую в советскую классику) и серьезные научные труды, такие, как монографии о Гёте, Шевченко, Низами, Крылове, Яне Амосе Коменском, чешском композиторе Иозефе Мысливечке. Можно добавить к этому перечню и блистательные зарубежные очерки, в которых вы видите и запоминаете Бельгию, Голландию и Англию, Италию и Францию, и наши братские социалистические страны, их культуру, их современные тенденции в искусстве и философии. И все же этот перечень является лишь «второстепенным» по отношению ко всему творчеству Шагинян. Главное, что проходит через все созданное писательницей, чему она отдала много лет жизни и вдохновения,— это ленинская тема.

Однажды М. Шагинян написала: «Моему поколению выпало величайшее счастье наблюдать слово Ленина в его мгновенном превращении в дело. Я разумею его первые декреты в первые дни и месяцы революции, когда многие из нас, потрясенные до глубоких основ, не чувствовали устойчивой почвы под ногами. В этом смятении ясные, короткие, мудрые ленинские декреты, понятные всем и каждому, уверенные и внушающие уверенность, прорезывали нашу действительность, как молнии грозовое небо,— и все вокруг принимало четкие очертания, укладывалось в новые формы бытия. Мне, страстно любившей логику и ясность, ненавидевшей путаницу и смуту, первой ступенью к познанию Ленина, первой любовью к Ленину стали эти декреты. Я читала их, как читают стихотворения. И это они привели меня к ленинской теме».

В 1923 году из Москвы в Петроград, где в то время жила М. Шагинян, пришло письмо от редактора «Красной нови» А. Воронского. В тот год вышли ее первые очерки и повесть «Перемена». «...Знаете, очень Ваши вещи нравятся товарищу Ленину...» — писал Воронский. «Этот дорогой сердцу отзыв Владимира Ильича светил мне всю жизнь»,— писала позже Мариэтта Шагинян.

К своей главной книге она шла через очерки о родителях Ленина, о Н. К. Крупской, об учителе Калашникове, о письмах Владимира Ильича к матери. И немало лет через эти подступы к главной книге создавалась ее Лениниана, состоящая из четырех частей: двух романов — «Семья Ульяновых» и «Первая Всероссийская»; одного эскиза романа — «Билет по истории» и книги философских раздумий над произведениями и личностью самого Ленина «Четыре урока у Ленина».

Тетралогия Шагинян, ныне выдвинутая на соискание Ленинской премии, войдет в советскую литературу как строго документированное, широко развернутое и обоснованное художественное произведение об исторических истоках и общественной атмосфере, в которой созревал гений Ленина. И, наконец, это удавшаяся попытка любовно и благоговейно вскрыть перед читателем некоторые стороны этических, духовных, философских особенностей мышления Ленина. Именно художественная прозорливость и точность ее Ленинианы, безмерная увлеченность автора своей темой и создают для читателя тот живительный воздух любви к Ленину, который побуждает всей душой потянуться к литературному наследию Ильича, заставляет глубже вчитаться в Ленина.

Мариэтта Шагинян получает множество писем от своих читателей, благодарящих за книгу о Ленине. Один из них пишет, что после чтения «Четырех уроков у Ленина» он снова и по-новому прочитал «Что делать?», найдя у Ленина много такого драгоценного для себя, которое раньше не сумел заметить. «В этих письмах,— говорила мне писательница,— самое большое счастье моих старых лет и самая большая награда за труд».

...Ей восемьдесят четыре года, энергия ее неиссякаема, мобильность поразительная. Разыскать Мариэтту Сергеевну почти невозможно. Она либо запирается и работает, либо в отъезде. Как-то она назначила встречу в больнице. В палате я застал ее за рукописью. Болезнь приковала Мариэтту Сергеевну... опять к столу. Потом она уехала за границу. И появилась серия зарубежных очерков. Короткая передышка, и Мариэтта Сергеевна снова в отъезде. Дни и месяцы проводит она в архивах и библиотеках Лондона, Парижа, Италии, объезжает Швейцарию и Францию, где жил В. И. Ленин, работает в британской Ридинг-Рум. Ее произведения последних лет кажутся легко написанными, рожденными одним дыханием. Между тем они результат огромного труда, большой требовательности к себе.

Каждую свою работу она начинает много раз, и в мусорную корзину летят десятки вариантов первых страниц. Порой кажется, что начало превосходное, но «в нем нет инерции продолжаемости,— говорит Мариэтта Сергеевна.— Начало не должно упираться в стену, оно должно прорывать русло, так, чтоб вещь полноводно текла дальше».

Следуя примеру Гёте, Мариэтта Сергеевна заставляет себя останавливать работу не в минуту полной исчерпанности творческого подъема, а еще тогда, когда хочется писать дальше. Это она делает для того, чтоб назавтра легче было продолжать и чтоб продолжение сохранило тягу творчества, или, как она говорит, «чтоб сохранить остаточное возбуждение от вчерашнего труда...».

Как у всякого человека труда, у нее свои инструменты. На столе — школьные фиолетовые чернила, старая ученическая ручка, клей, перочинный ножик вместо резинки, всегда одни и те же стальные перья. Однажды, читая письма Ленина к матери, она нашла место, где Ленин попросил прислать ему любимые им английские перья, которыми он постоянно писал. И тут не было границ радости Мариэтты Сергеевны. Она буквально кричала: «Зарубите себе на носу — Ленин имел свои любимые перья!»

Орудия своего труда она бережет, как рабочий в цеху, и никому не позволяет писать своей ручкой. Она терпеть не может пишущую машинку и авторучку. Ей кажется чудовищным, когда писатель сразу отстукивает свой труд на машинке, не пишет, а именно создает выстукиванием: рука должна быть творческим орудием человека, недаром Энгельс сказал, что человек стал человеком, научившись употреблять свою руку для труда.

Пишет Мариэтта Сергеевна очень мелким почерком на длинных четвертках финской бумаги, называя эти четвертки «столбиками». Потом столбики, десятки раз исправленные и подчищенные, местами срезанные и подклеенные, идут к машинистке. И опять начинается: первый экземпляр сильно сокращается, урезывается, заново монтируется, а то и целиком все заново пишется и опять на машинку. А потом снова исправления...

Работа, труд — ее страсть, ее жизнь. Никто не слышал от нее: «Устала от работы», «Надоела работа». Но множество раз: «Устала от безделья». И это «устала от безделья» говорится, когда ей приведется один-единственный день отдохнуть. Но и тогда она не бывает без дела. Если Мариэтта Сергеевна одна, она находит себе партнера в шахматы: играет сама с собой — и за себя и за противника...

В чем же тайна этой уникальной жизнедеятельности и огромного творческого трудолюбия? Ответ на это, пожалуй, можно найти в этическом и философском содержании понятия «отдача и получение», что утверждается всей жизнью и всем творчеством Мариэтты Шагинян. Она отдает людям свои знания, свой талант, свой труд и получает взамен великое наслаждение от сознания полезности своего труда. Отдача — это единение с людьми, с обществом, с миром; отдаче сопутствует возвращение духовных сил, никогда не иссякаемой энергии творчества.

ЗАМЕТКИ ПЕРЕД СЕЗОНОМ

Первый кубковый матч нынешнего сезона. Играют московское «Динамо» и «Шахтер».
Фото заслуженного мастера спорта А. Хомича.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФУТБОЛУ

Лев ФИЛАТОВ

Опять на дворе футбол. С каждым годом мы все больше знаем о нем, становимся к нему требовательнее, ничего не хотим прощать, ни на что не закрываем глаза. Лет двадцать, даже пятнадцать назад болельщики были милостивее, простодушнее, доверчивее. После того, как телевидение разогнуло подковы стадионов и для подсчета аудитории к пятизначной цифре проданных билетов стали смело добавлять справа два нуля, после того, как все сопоставления, аналогии и дискуссии приобрели «мировой масштаб», футбол оказался на свету, его не выручают ни россказни, ни слухи, ни оправдательные версии.

Как-то один из футбольных «властителей умов», человек многоопытный, попробовал заключить устный диспут фразой, произнесенной твердо, с нажимом, с претензией на точку: «Что ни говорите, а самое красивое в футболе — это счет в нашу пользу». Хотя фраза обладала всеми внешними достоинствами афоризма, встречена она была с удивлением, даже с неловкостью, как-то совестно стало за этого человека. Но бросил он ее не ради красного словца. За этим афоризмом кроется, я бы сказал, раздвоенность футбола, двойное его подчинение.

Команда служит спортивному обществу, целому ряду (иногда этот ряд чересчур длинен) вышестоящих инстанций и в этом качестве обязана отчитаться количеством побед и турнирных очков. В такого рода сводке «счет в нашу пользу» и впрямь ставится во главу угла. Разумеется, для тех, кто этот отчет составляет, и для тех, кому его вручают. В этой сводке избегают таких понятий, как стиль игры, ее содержание, техническая выучка игроков, удовольствие, получаемое зрителями от ее лицезрения, их аплодисменты и отзывы. Подразумевается (и это чрезвычайно удобно), что победителя не только не судят, но он обязательно хорош, иначе откуда взяться очкам!

Спору нет, мы то и дело становимся свидетелями того, как той или иной команде удается превосходной игрой подтвердить, узаконить свое высокое место в таблице. Строго говоря, такое совпадение соответствует природе футбола. Беда в том, что природу эту научились корежить и извращать. После того, как вместе с ростом интереса к футболу резко подскочила рыночная цена побед, которым ведется дотошный учет в вышеупомянутых сводках, возникла своеобразная алхимия: как из ничего добывать золото. Футбол в силу своих конструктивных особенностей оказался подходящей почвой для предприимчивых ловкачей. Голы в футболе сравнительно редки, у любой команды есть право и возможность окопаться перед своими воротами, благо оборона проще, доступнее пониманию и требует меньше мастерства, чем атака, да и судейство, поскольку оно субъективное, позволяет надеяться на поблажки и снисхождение к нечистым приемам. Так мало-помалу и вошел в мировую практику, в том числе и у нас, деловой, практический футбол. Посредственные команды научились делать ничьи с более сильными, наловчились собирать суммы очков, отнюдь не характеризующие их достоинства.

Но есть у футбола и другое подчинение — людям, которые его смотрят и любят. Нынче только простаки целиком и полностью доверяют футбольной арифметике. Облик хорошей игры не спрятан в тайнике, как парижский эталон метрической системы — метр, люди захватывают его с собой на стадионы и сверяют по нему то, что предлагается их вниманию в сегодняшнем матче. И тут уж красота «счета в нашу пользу» мало кого вводит в заблуждение. Человек, сидящий на трибунах, футболу не служит, он хочет, чтобы футбол служил ему.

Кажется, чего уж надо, сборная наша в прошлом сезоне не знала поражений, вышла в четвертьфинал чемпионата Европы и в олимпийский турнир, сторонние наблюдатели — французские эксперты отвели ей по итогам года вместе со сборной Англии первое место на континенте. Но, оказывается, любителям футбола этого мало, им от сборной, кроме мест и очков, нужна еще и игра. Их не устраивает, что она выстрадала необходимую ничью в решающем матче в Севилье, они хотят видеть свою команду играющей смело, искусно, ловко, диктующей свои условия, а не соглашающейся на условия противника.

Им хотелось бы, чтобы чемпион страны забивал больше голов, чем это удалось киевскому «Динамо» в прошлом году, они посмеиваются над тем, что московское «Торпедо» притаилось в безопасной середине таблицы, сотворив (это же надо уметь!) 20 ничьих, они

отвергают все «уважительные причины», за которыми прячутся неудачники — ЦСКА, московские «Динамо» и «Спартак», клубы с яркой чемпионской историей, никем еще не забытой; они негодуют по поводу хулиганских выходок группы игроков «Нефтчи», бросающих тень на футбол.

Болельщик хочет многого. Болельщику многое не по душе. И он прав во всех своих претензиях. Прав, потому что футбол принадлежит ему.

Один из игроков славного послевоенного ЦДКА рассказал мне, как однажды их тренеру Борису Аркадьеву сделали замечание за то, что представленный им отчет был сделан «не по форме». «Будем играть хорошо, бумага не понадобится, а если плохо, то она не спасет»,— ответил тренер. С точки зрения подчинения футбола «инстанциям» ответ этот мог быть расценен как проявление анархии, но, если ориентироваться на второго, главного хозяина — болельщика, то тут — вся правда. И, наверное, неспроста мой собеседник, бывший футболист, вспомнил об этом ответе четверть века спустя.

Чувствую, что, начав весенние заметки, как принято, «за здравие», я, сам того не заметив, съехал к несовершенствам футбола. Сила привычки! Сезон ведь едва начался, как знать, что он нам принесет, а осень — пора меланхолических итоговых статей — еще далеко...

Позволю себе пересказать несколько незамысловатых историй из своего блокнота, которые, если и не влекут за собой басенной морали, то уж для весенних пожеланий, надеюсь, дают повод.

В суждениях о футболе все чаще и все настойчивее употребляют слово «счастье». «Немножко бы счастья, и мы бы не проиграли», «противник был счастливее нас», «надо же быть такому несчастью: мяч попал в кочку и перед носом вратаря отлетел в другой угол». В эту графу (точнее ее назвать графой несчастья, потому что несчастливые стечения обстоятельств помнят, а счастливые тут же забывают) заносят и кочки на поле, и рикошеты, и падения на ровном месте, и срезки мяча, и солнце в глаза вратарю, и промахи судьи. Всего не перечесть.

Вспоминается рассказ тренера Михаила Якушина о жребии, который кидали капитаны сборных Италии и нашей на чемпионате Европы в 1968 году после того, как команды сыграли вничью и надо было определить финалиста. «Заготовили три разные монеты. Я прикинул и сказал Шестерневу: выбирай французскую, а потом бери «орла». Французскую-то он выбрал, но право назвать сторону монеты предоставили Факкетти, а тот возьми и скажи «орел». Кажется, все было предусмотрено, но не наш был день... А могли бы выйти в финал, там — югославы, с ними все ж таки полегче, чем с итальянцами или англичанами. Глядишь, и чемпионами стали бы. Вот как в нашем деле...» Якушин шутил, а доля правды в его шутке была.

Эрнст Юст, десять сезонов игравший полузащитником в киевском «Динамо», потом тренер «Карпат» — немногословный, скромный, из тех людей, которые в своем деле доверяют личному опыту, интуиции и не отступают от того, в чем убеждены, ни на шаг, как бы на них ни влияли и ни нажимали. В спокойную минуту он и рассказал мне следующий случай:

«Играли мы вместе с Михаилом Команом. Он забивал много голов, и нередко говорили: «Везет парню». То от штанги мяч отскочит, то от вратаря, а он тут как тут и добьет. Я подумал: а почему бы и мне не стать таким же везучим человеком? Стал «ловить момент». И вот однажды мяч ударяется в перекладину, я кидаюсь вперед, уверенный, что сейчас непременно забью. Все, кажется, угадал, только мяч почему-то оказался у меня между ног. Пока я его выталкивал, кто-то подбежал и отбил. И решил я тогда, что не мое дело сторожить отскоки, ловить моменты, пусть уж это делает тот, у кого получается, кому мяч ложится точно под ногу. А мне играть, как играл...»

Юст привел этот эпизод как забавный, а не как назидательный, но смысл в нем заложен здравый. Счастье в футболе существует не само по себе, оно не нечаянное и не слепое, оно у каждого свое, и надо его знать, надо уметь ему соответствовать.

Прошло много-много лет, но если вы сейчас в присутствии бывшего динамовского вратаря Алексея Хомича заведете разговор о замечательном армейском центрфорварде Федотове, он непременно скажет, приосанившись: «А, знаете, между прочим, Григорий Иванович мне ни одного гола не забил...» Счастье? Если и счастье, то как награда большому мастеру вратарского дела, бдительно следившему за Федотовым.

Вот и хочется пожелать футболистам быть достойными спортивного счастья!

Виктор Маслов, некогда работавший тренером в юношеской школе, вспоминал об этом времени: «Просмотрели мы тысячи ребят, отобрали самых способных, укомплектовали группы и начали занятия. Совесть была чиста: все лучшие московские мальчишки — у нас. И вот один из моих учеников говорит: «Можно, я Кольку приведу? С нашего двора». Я ему отвечаю, что прием окончен, а он твердит и твердит про Кольку. «Ну ладно, приводи». Привел, посмотрели мы его, и оказалось, что Колька этот сильнее всех, кого мы приняли. Вот так всегда...»

Не так уж мало у нас мастеров футбола. Но таких, кого с легким сердцем можно назвать «звездой»,— раз, два и обчелся, да и то это либо вратарь, либо защитник. Оскудела футбольная земля талантами? Да нет, с чего бы вдруг... Плохо их ищут, ждут, когда сами объявятся. Во время самого первого телерепортажа этого года с кубкового матча московского «Динамо» и донецкого «Шахтера» комментатор повышал голос, как только мяч оказывался у незнакомых ему прежде динамовца Якубика и горняка Васина. В этих модуляциях проявлялось наше общее нетерпение увидеть среди «призывников» нового сезона интересных, многообещающих игроков, прежде всего форвардов. И приятно было, что в том первом официальном матче забил гол дебютант Якубик.

Движение, свежесть, непосредственность придают игре молодые. Опытные направляют это движение, регулируют, вносят в него мысль. Без обновления рядов не обходится ни один сезон, оно признак здоровья. Вот и пожелаем «Кольке с нашего двора» играть бестрепетно и дерзко, зная, что он необходим, что за ним с надеждой следят не одни тренеры, а и легионы зрителей, соскучившихся по игрокам недюжинным, на которых можно смело положиться.

Для тех, кто смотрит футбол, для тех, кто выходит на поле на досуге, он игра. Для тех, кто включился в так называемый большой футбол, футбол-спектакль, он увлечение, требующее верности. Команду, игравшую небрежно, освистывают не за проигрыш,— людей, пришедших на трибуны после трудового дня и знающих толк в хорошей работе, коробят недобросовестность, брак, халтура. Футбол не имеет секретов, формула мастерства проста: способности плюс прилежание, добросовестность, чувство ответственности за свой выход на зеленую сцену. И даже известно соотношение ста к одному, ста ударов на тренировке к тому счастливому удару, который пошлет мяч в сетку во время матча.

Издавна считаются «персонами нон грата» грубиян, пижон, трус. Их видно, что называется, за версту. Гораздо большую опасность для футбола представляют люди равнодушные, для которых честь клуба — пустой звук, люди, норовящие от футбола взять больше, чем ему отдать. Их с первого взгляда не различишь, вроде бы бегают как все, даже голы иногда забивают, да и талантишко есть. Потом, когда они оказываются вдруг в другом клубе, болельщики недоумевают: «Почему отпустили, не берегут игроков!» Так было с бывшим динамовцем Авруцким, с бывшим торпедовцем Паисом. А от них на самом деле избавлялись, спасались, ибо в данном случае талантишко не компенсировал душевной инертности, безразличия, которые, кроме всего прочего, еще и заразны. Взыскательность отбора по чисто человеческим качествам, по душевной надежности становится все более актуальной. Могут спросить: «А разве не всегда так было?» Да, так было всегда. Но футбол меняется. Термин, несколько пугающий своей мудреностью — «интенсификация игры»,— возник и замелькал в речах и статьях специалистов неспроста. Новые тактические схемы повлекли за собой переоценку выносливости, скорости и времени. Каждое движение, каждый прием, пусть тот же, что и двадцать лет назад, выполняется теперь быстрее, любое промедление мгновенно карается. Игра потребовала иного запаса сил, иной, более высокой, чем прежде, тренированности. А значит, и иной ответственности, иного отношения к своим обязанностям.

Вот и пожелаем нашим командам быть на уровне требований сегодняшнего футбола, вкладывать в него всю душу и верностью игре и клубу отвечать на верность болельщиков.

Футбол — вечный должник. Сомневаюсь, что наступит такое время, когда все матчи пойдут под сплошные овации. И все-таки в минувшем году наш футбол задолжал больше обычного. И острой борьбы за звание чемпиона не получилось, киевские динамовцы не имели конкурентов, и в международных турнирах наши клубы выглядели хуже, чем могли, и сборная страдала из-за дефицита ярких форвардов и вынуждена была доверить свою судьбу вратарю Рудакову и защите во главе с Шестерневым. Правда, привлекли внимание успехи «Арарата», «Зари», «Карпат». Но так уж ведется в футболе, что одному удачному сезону доверяют не слишком, ждут подтверждения, новых доказательств, репутацию вспышки не создают.

Один опытный тренер на мой вопрос, чего он ждет от нового сезона, ответил так: «Наверняка будет лучше прошлогоднего, потому что хуже, чем тот, вообразить невозможно». Ну что ж, может быть, это и так. Недостатки обнажены, претензии предъявлены, и трудно представить, чтобы футбольный мир оказался глух и безразличен.

Знаменитый цедековский защитник федотовско-бобровских времен Виктор Чистохвалов недавно с грустью в голосе говорил мне: «Жалею, что не видел толком, как играла тогда наша команда. Матчи я почти не пропускал, травм не было, всегда был в составе, на трибунах сидеть не приходилось. А говорят, мы хорошо смотрелись...»

Грусть его понять можно, но совесть у этого человека спокойна. Хорошо бы, чтобы каждый нынешний футболист получил право так взгрустнуть!

А сезон 1972 года и для футбола олимпийский. Не только потому, что наша команда поедет в Мюнхен и после трех неудачных попыток наконец-то примет участие в турнире Олимпиады. Сезон в целом труден и интересен в соответствии с олимпийскими нормами. Чемпионат Европы вступит в решающую фазу. Уже 30 апреля в Белграде — первый из двух матчей нашей сборной со сборной Югославии. Баланс прошлых встреч в пользу нашей команды. Но «историческое преимущество» — вещь зыбкая, доверять ему опасно.

Уже не три, как в прошлом году, а четыре советских клуба — «Динамо» (Киев), «Спартак», «Динамо» (Тбилиси) и «Арарат» — включатся в розыгрыш европейских Кубков. Эти интереснейшие и в высшей степени представительные турниры нашими командами в лучшем случае разведаны, но далеко не изведаны. Ясно одно: ординарная, рядовая, будничная игра успеха в них принести не может, там каждый матч требует игры самой лучшей, на какую только команда способна.

Для обширной программы года лучшей футбольной поры нам никак не хватает, и вот март (небывалое дело!) был отведен для розыгрыша Кубка СССР, и в конце его стали уже известны полуфиналисты.

Расширение границ сезона, обязывающее команды десять месяцев находиться в состоянии готовности «номер один», еще одно свидетельство усложнения, «интенсификации» футбольного дела. Но какова бы ни была программа года, для любителя футбола особое очарование заключено в дне начала всесоюзного чемпионата — 4 апреля. К нему и приурочены все наши заветные надежды и пожелания. В том числе и эти строки.

ВО ВСЕМ НУЖНА СНОРОВКА, ЗАКАЛКА, ТРЕНИРОВКА...

Рассказывает А. А. ЛЕОНОВ,

председатель Всесоюзного Совета по физкультурному комплексу «Готов к труду и обороне СССР», летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза, заслуженный мастер спорта СССР.

— Алексей Архипович, хотелось бы услышать о месте физической культуры и спорта в жизни Советской Армии и подготовке допризывной молодежи.

— Бурный технический прогресс привел к оснащению наших Вооруженных Сил новейшей боевой техникой. Это не снизило, а, наоборот, повысило требования к физической подготовке советских воинов и молодых людей призывного возраста. Но место физической культуры и спорта в жизни современного человека значительно шире. Какую бы профессию мы бы с вами ни взяли, в ней огромное значение имеет совершенствование силы, умение координировать движения. Давно известно, сколь необходимы для современного производства точные действия, мгновенная реакция. Ну, а профессия космонавта, пожалуй, больше, чем какая другая, требует высокого уровня физической подготовленности. Все эти качества и должен воспитывать в молодежи новый комплекс ГТО.

— Раньше юноши 16—18 лет сдавали нормы на значок ГЗР — «Готов к защите Родины». Остаются ли они в силе!

— Теперь они включены в третью ступень комплекса ГТО «Сила и мужество». В свое время нормативы ГЗР сыграли большую положительную роль в подготовке будущих воинов. Но у старого комплекса были и недостатки, которые ныне ликвидированы. В третьей ступени нового комплекса ГТО более полно отражены военно-технические нормативы: кросс, метание гранаты, плавание, стрельба, лыжные гонки, туристические походы с овладением навыками ориентирования на местности, знакомство с военно-прикладными видами спорта — все, что поможет юноше лучше подготовиться к службе в армии, быстрее встать в строй, почувствовать себя настоящим защитником Родины. Но, как я уже говорил выше, вопросы физической подготовленности стоят во весь рост во всех областях нашей деятельности. Именно этим и вызвано введение с 1 марта 1972 года нового Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР».

— Но ведь такой комплекс существует с тридцатых годов...

— Верно. Созданный по инициативе комсомольцев тридцатых годов, первый комплекс ГТО имел огромное значение как для физического воспитания советской молодежи, так и для становления и развития всего советского спорта. Но жизнь идет вперед, предъявляет новые требования. И прежний комплекс по ряду своих положений перестал соответствовать задачам, поставленным XXIV съездом КПСС в области физической культуры и спорта. Он уже не мог служить фундаментом дальнейшего развития массовой физкультуры и повышения спортивного мастерства.

Поэтому назрела необходимость введения нового комплекса ГТО.

— В чем отличие нового комплекса от старого!

— Прежде всего в том, что нормативы его пяти ступеней охватывают практически все возрасты с 10 до 60 лет.

За новым комплексом сохранилось прежнее название, ибо оно четко определяет его идейную направленность, воспитательную сущность, близкие и понятные советским людям.

— Алексей Архипович, расскажите, пожалуйста, чем вызвано создание возглавляемого вами Совета, какие функции он будет выполнять!

— В постановлении Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР сказано, что наш Всесоюзный Совет образован для осуществления координации и контроля. Что это значит? Проведение в жизнь нового комплекса ГТО, огромное значение, которое ему придается, требуют совместных усилий различных организаций. Необходимо тщательно продумать, разработать и осуществить целую систему мероприятий. Поэтому в состав нашего Совета вошли представители ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, спорткомитета, ДОСААФ, министерств высшего и среднего специального образования, здравоохранения, обороны и других организаций. В настоящее время разрабатывается положение, в котором четко будут определены права и задачи Совета. Думается, что по его образцу подобные Советы будут созданы во всех республиках, краях и областях.

Члены Совета будут оказывать помощь коллективам физкультуры в пропаганде нового комплекса, в организации и проведении соревнований, способствовать тому, чтобы комплекс ГТО прочно вошел в нашу жизнь.

Не надо забывать, что характерными недостатками в работе с ранее действовавшим комплексом были формализм, поверхностный подход, оформление значков тем, кто не полностью сдал нормы, не выполнил соответствующих показателей и т. п. Подобные факты надо начисто исключить из практики.

Считаю своим долгом предупредить, что на пути любителей приписок будут поставлены самые жесткие преграды. Внедрение в практику нового комплекса ГТО не кратковременная кампания, проходящая под гром литавр. Это длительный и глубокий процесс, процесс подлинного физического воспитания человека. И работа по внедрению комплекса будет оцениваться не по тому, кто раньше отрапортовал, а по качеству, глубине, по охвату занятиями спортом как можно большего числа людей. Контролировать деятельность физкультурных организаций и призван наш Всесоюзный Совет.

— Вы являетесь заслуженным мастером спорта. Значит ли это, что вам не нужно сдавать нормативы нового комплекса ГТО!

— Отнюдь нет. И я и все мои товарищи по отряду космонавтов непременно станем участниками соревнований по сдаче норм нового комплекса. И уж, конечно, постараемся получить золотой значок. Вообще все действующие мастера спорта, в том числе и заслуженные, обязаны, так сказать, подтвердить свои знания, сдав новые нормативы ГТО.

Беседу вел С. КРУЖКОВ.

РОЖДЕННОЕ ВЕСНОЙ

Перевела с монгольского Римма КАЗАКОВА.

Б. ЯВУУХУЛАН

Не обвиняй меня
лишь в том,
мой друг,
что новым строчкам не настали сроки.
Сначала ты прислушайся:
вокруг
звучат ли
мной написанные строки?
И если чьи-то не молчат уста,
мои слова почувствовав своими,
то, значит, жизнь, как прежде, не пуста:
живут мои стихи —
я в них
и с ними.
Пусть за спиной, когда ни оглянусь,
их столько,
что считать их
не устану...
Но небесами и землей клянусь,
что торопливой лошадью не стану!
Ее рывок, быть может, смел и лих,
но смысл есть путь,
а в спешке мало толка.
Она стремится обогнать других
во имя громкой похвалы —
и только.
Глаза моей судьбы всегда строги,
но радостных небес они бездонней,
когда весомой силою строки
отягощает истина ладонь мне.
Я мало написал,
но в свой черед
мой новый стих
в дверь постучит внезапно.
И не назад смотрю я,
а вперед.
А иначе —
зачем настанет завтра?!
Стихи мои,
надежда, пот и боль —
о, разве вас тщеславие лепило?
Вы все, что с сердцем было,
вы — любовь.
Любовь скромна и не честолюбива.
Все меньше вас,
стихи мои,
хотя
здоров душой и мышцы не ослабли...
Но ведь вмещает капелька дождя
большое солнце,
не пролив ни капли.
Покуда людям и себе не вру
и с истиною не играю в прятки,—
какой там урожай ни соберу,
со мной и с вами
будет все в порядке!
Но если сам
в полнейшей тишине
читать свои стихи примусь надсадно,
не унижай пощадою
и мне,
мой друг,
скажи всю правду
беспощадно.

Д. ТАРВА

У ВЫСОКИХ БЕРЕГОВ АМУРА...

Был я молод,
И в краю, где сопки
Многочисленней, чем города,
У амурских берегов высоких
Эта песня родилась тогда.
Там впервые на рассветах мглистых,
В сумерках задумчивых лесных
Пели об отважных трех танкистах,
Боевых товарищах моих.
А потом, когда гроза глаза нам
Порохом горячим обожгла,
Эта песня с берегов Хасана,
Как боец, на Халхин-Гол пришла.
Помнит край, что нашей кровью полит,
Помнит каждый русский и монгол,
Всею болью мое сердце помнит,
Как мы отстояли Халхин-Гол.
И от дыма черная округа
Слышала сквозь грохот, скрежет, вой:
«Три танкиста — три веселых друга —
Экипаж машины боевой!»
Полегло в те дни друзей немало,
В памяти я всех их берегу.
Бережно земля их принимала —
Та, что мы не отдали врагу.
Мир пришел, казалось, к нам надолго,
Выстраданно, радостно пришел.
И несла спокойно воды Волга,
И шумел свободный Халхин-Гол...
Я стою на берегу Амура,
Этой встрече, как мальчишка, рад.
«На границе тучи ходят хмуро,
Край суровой тишиной объят...»
Память, не томи меня бедою.
Помню ту кровавую зарю,
Но душой, как прежде, молодою
Я тебе сегодня говорю:
Ведь добили — песня в том порука —
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста — три веселых друга —
Экипаж машины боевой!

С. УДВАЛ

ПРИЗНАНИЕ

Как два тюльпана луговых,
Как два озерных лебедя,
Признание услышав в их
Немом и гордом лепете,
Под солнцем, где дано судьбой
Одно мне солнце — ты,
Должны мы вместе быть с тобой,
Как птицы, как цветы.
С мечтой о счастье молодом,
Слова в волненье путая,
Твержу, что твой украшу дом,
Твоей опорой буду я.
Оберегая честь твою
В дни бед и в дни разлук,
Отдам тебе всю жизнь мою —
Твой самый верный друг.
Мы будем жить одной семьей
И сердцу не изменим,
Как дети матери одной,
Как важенка с оленем.
Невзгодам нас не одолеть:
Любая не страшна.
Твоей душе не обмелеть,
Пока моя полна.
Твои болезни разделю,
Падения и взлеты.
Ты, тот, которого люблю.
Ты понимаешь, кто ты?
Пусть горя — годы, поддержу,
Не кланяясь годам.
Сама ошибку совершу,
Ну а тебе не дам.
Ты только позови — приду.
Ни в чем не прекословлю.
Твою любимую еду
С любовью приготовлю.
Я все сумею, все смогу,
О, только б вместе быть
И, как тюльпаны на лугу,
Как лебеди, любить!
Но, ослепленная, любя
Всей силой неумелою,
Своею вещью я тебя,
Своим рабом не сделаю.
Жадна, но нет во мне скупца,
Щедра, но никогда
Не промотаю до конца
Того, чем так горда.
Твои друзья, твоя родня
Подружатся со мною,
Родными станут для меня,
Коль стану им родною.
Бедны? Ну что ж, перенесем.
Богатству нас не сбить.
О, только б равными во всем,
Как лебеди, любить!
И не узнаем мы тоски
Дней, полных одиночества.
Все будет в доме по-людски,
Все так, как нам захочется.
И будет жизнь во всей красе —
Лишь ты мою прими!
И воспитаем мы, как все,
Своих детей людьми.
Меня красивой назовешь —
И впрямь буду красивою.
Меня счастливой назовешь —
И впрямь буду счастливою.
Всем, что с твоих сорвется губ,
Хочу быть обогретой.
Пусть говорят: влюбленный глуп! —
Хочу быть глупой этой.
Мои провинности прости,
Пока из всех я лучшая,
Но хватит воли прочь уйти,
Коль вдруг тебе наскучу я.
Но верю: будет все сильней
Рожденное весной.
На всех страницах наших дней
Оставим след двойной.
Как лебеди в любви слепой
С их клятвами нелживыми,
Должны мы вместе быть с тобой
Всегда, покуда живы мы.
Как два тюльпана, что судьбой
Обречены любить,
Должны мы вместе быть с тобой,
Должны мы вместе быть.

Б. БААСТ

* * *

Как неказист тот добрый дом,
В который я пришел когда-то,
Чтоб грамоте учиться в нем...
Смущенный тем забытым днем,
Я улыбаюсь виновато.
Он, как мираж, он искажен
Для глаз, слезами обожженных,
Он мил — и все-таки смешон,
Как неуклюжий верблюжонок.
О, почему, по чьей вине
Лишился счастья я простого?
Казалась в детстве школа мне
Вместилищем всего простора.
Был необъятным коридор,
Был класс, как озеро, огромен...
Смотрели в окна лики гор.
Как славно было в этом доме!
Как некогда под пенье птиц,
Истосковавшийся в разлуке,
Под скрип иссохших половиц
Вхожу в свой первый храм науки.
И вдруг свободно, как в кино,
Масштабы, времена смещаю
И детство, что ушло давно,
Себе внезапно возвращаю.
Я снова — в лучшем из дворцов,
Беспечный, любящий, веселый...
И кто мы все в конце концов?
Мы — дети первой в жизни школы.

Рисунки Вл. Добровольского.

МАТВЕЙ ТИХОВ

Григорий **КОНОВАЛОВ**

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

I

В селе нашем немало самобытных характеров, но всем сердцем привязался я к пожилому маленькому Матвею Тихову, известному больше по-уличному — Бегунок. Редкими качествами наградила его природа: быстро, безустально ходил и мало спал. И еще добротою. Доброта его была постоянной, ровной, без перепадов.

Как помнится, вся его жизнь — беготня по степям. Когда-то он был рассыльным в колхозе и все лето каждодневно относил сводки в сельский Совет за пятнадцать верст. Ходил босиком напрямик по жухлым колючкам, по стерне, ясным днем и в непогоду. Отдыхал на ходу, забываясь чуткой дремотой. Чешет, бывало, вдоль дороги — в зубах потухшая цигарка, а глаза прижмурены.

— Дядя Тихов! — окликнут его.

— А? Что? Фу ты, бес непутевый, демон летучий, кажись, задремал. — И опять зашагал.

Никакой велосипедист не споворит быстрее его. То камера лопнет, то еще какие неполадки... Ноги же старика безотказно двигались. И дождь не остановит. Засучит штаны по колени и айда месить грязь, только ошметки отлетают. Много обязанностей у него было: сторожил тока, зимними ночами булгачил скотников, чтобы не проспали они ягнят или телят новорожденных. Иногда разделял пирушки с председателем колхоза Асякаевым, пришедшим руководить артелью из соседнего татарского села.

Супруга Тихова говаривала не раз, что не знает она, спит ли Матвей когда-нибудь.

— Ложусь — он хомут чинит, мурлычет песни, встаю — дрова колет или сапожничает. За все сорок лет ни разу не видала, как он спит.

Любила его старая как бы материнской любовью, да покинула не вовремя...

Умерла она не своей смертью: ранней весной по недогляду Лузгина Спиридона сорвался с цепи свирепый пестрый бугай, прижал ее рогами к саманной стене. Только и успела крикнуть перед смертью... Этот же бугай зашиб насмерть и жену Лузгина.

Похоронив жену, Матвей неделю лежал на печи, не ел, а только пил кислушку. Кислушку приносил сам Асякаев, молча ставил кувшин с краю печи, порожний кувшин забирал, чтобы наутро поставить его с кислушкой.

Дети Тихова — Манька лет шестнадцати, в отца маленькая, и Иван, вернувшийся из армии недавно, — ходили по дому на цыпочках, говорили шепотом. Уходя на работу, запирали дверь сеней на замок. Охотников навестить отца отшибал Иван коротко, обрывисто:

— Уехал в Усовку к тетке.

Через неделю Асякаев спросил Ивана:

— Сеять он думает или нет, отец твой?

Иван жестко глянул в его желтые глаза. На лице у скул задвигались под тонкой кожей сухожилия.

— Отец сам знает, без подсказок, товарищ Асякаев.

— Кислушки больше нет у меня, — сказал Асякаев и, опираясь на палку, ушел со двора.

Утром Иван проснулся рано — разбудило солнце, хлынувшее в окна. Ставни впервые открылись после смерти матери. На загнетке горели, потрескивая, чурки. Манька в ситцевом материном сарафане раскатывала тесто на сочни. Худые руки налегали на скалку со всей силой, Манька приподнималась на цыпочки.

Отец сидел в горнице за столом в просторной гимнастерке, свисавшей с костлявых плеч. Стал он вроде меньше ростом, дробнее. Худое, землистое лицо побрито, редкие, с проседью усы затеняли скорбный и жесткий склад посеревших губ. Обломком роговой самодельной расчески начесывал льняные волосы на белый высокий лоб. Томились под этим постаревшим лбом глаза светлее родниковой воды. Лишь на секунду взглянули они на сына и снова спрятались под русыми, печального покроя бровями.

— Прости, Иван, — глухо, с горловым клокотанием сказал Тихов и с неимоверным усилием сжал в кулаки и снова распустил крупные, заскорузлые пальцы. — Слабость мою простите, дети...

Манька отвернулась к печке, прикрыв фартуком лицо.

Иван махнул рукой, вышел в сени. Одной рукой держался за стояк, другой долго плескал воду из ведра в лицо. Когда Манька выглянула позвать брата завтракать, он все еще умывался.

Сели завтракать на кухне за треногий рассохшийся стол. Манька поставила перед отцом кружку кислушки. Отец вылил ее в помойное ведро. Обычно был сдержан в еде, теперь же неистово таскал ложкой сочни, из-под опущенных век сочились слезы.

После завтрака сел на пороге сеней, позвал Ивана. Вместе закурили махорку. Отсюда, с порога, меж старых ветел, чуть тронутых зеленью, виднелась за рекой степь, повитая голубым испарением. Кудрявился дымок паровоза на далеких по высокому кряжу путях. Над двором густела небесная синь. На земляной крыше погреба среди мертвых летошних будыльев лезла узкими листьями лебеда.

— Едем в степь, — сказал Тихов.

А когда уложили в телегу мешок и сундучки с бельем и харчами, он примкнул на замок сени, сказал:

— До осени нечего нам тут делать.

Но снова отомкнул, зашел в дом и через минуту в полах ватника вынес котенка.

— Теперь все.

И с тех пор не бывал дома. В посевную работали: сын — на тракторе, отец и дочь — на сеялках. После сева Иван пахал черный пар. Манька с отцом пропалывала бахчи неподалеку. Жили в шалаше из горбыльника на взгорье. Пониже, за осокой, блестело озерцо с редкими кустами ольхи и черемухи на том берегу.

II

Сын все чаще задерживался на ночь в тракторной бригаде, становавшей за холмом в походном вагончике. Манька смеялась над братом, прикрывая рот рукавом кофты.

— Приведешь ее — я из дому убегу. За меня ведь тоже сватаются, — говорила она брату. — А твоя Лузгиниха шибко на телушку похожа.

— Цыпленок ты еще, Манька, а туда же, в пересмешки, — сказал Иван, щелкнув сестру по носу.

Однажды Иван пришел к ужину вместе с Лузгиным, лысым мужиком в брезентовом пиджаке. Лузгин тараторил без умолку, и Тихов не вдруг понял, о чем толкует носатый, как грач, вертлявый старик, слывший мудрецом.

— Всему своя пора, Матвеюшка, значит. Пары взметнули, машины, значит, сильные, чертоломистые. Вместе, то есть моя дочка Феня и твой Ванька, пахали. Знамо, ночью тьма кромешная, душа к душе прилипает. А тут эта самая дружба, сиротство с обеих сторон подгоняет. Настигает всех она, любовь-то. При любви, как при родах, то есть нельзя никак погодить. Вот и давай, Матюшка, выпьем за деток. Обрадуемся. — Лузгин вытащил из кармана просторного пиджака пол-литра водки. — Манька, давай какую ни есть закуску.

Матвей Тихов пристально посмотрел на сына: Иван чертил палочкой по земле, щурясь.

— По-хорошему, Вань, аль случайно? — спросил Матвей.

— Да что ж, тятя, хозяйка нужна, ведь осиротели. А Феня ждала меня. И тоже без матери, как и я.

Лузгин привскочил.

— Вот истина! Ждала Фенька. Два года вечерами ни шагу из дома. Подружки щеки побелят, губы накрасят и айда гулять, а Феня портрет Ванюшкин поставит на стол и глаз не сводит с него. Самостоя-а-ательная девка. Вся в покойную матерь свою удалась. Бывало, скажешь ей: «Какого ты хрена, дочка, мечтой себя изводишь? Ванька твой, поди, в это время, то есть вечером, пляшет в солдатских сапогах аль кралю провожает». Раздразню ее до слез, она инда заревет, головкой качает. «Нет, — говорит, — любовь промеж нас гробовая. Иван Матвеич без глупостев в голове». Так что, Матвеюшка, поперек дороги мы не должны стоять.

Тихов молчал, склонив голову. Многие в селе подшучивали над ним, а Феня уважала, чуть не в драку лезла на тех, кто звал его Бегунком.

А Лузгин уже налил по стакану, совал в руки Тихову.

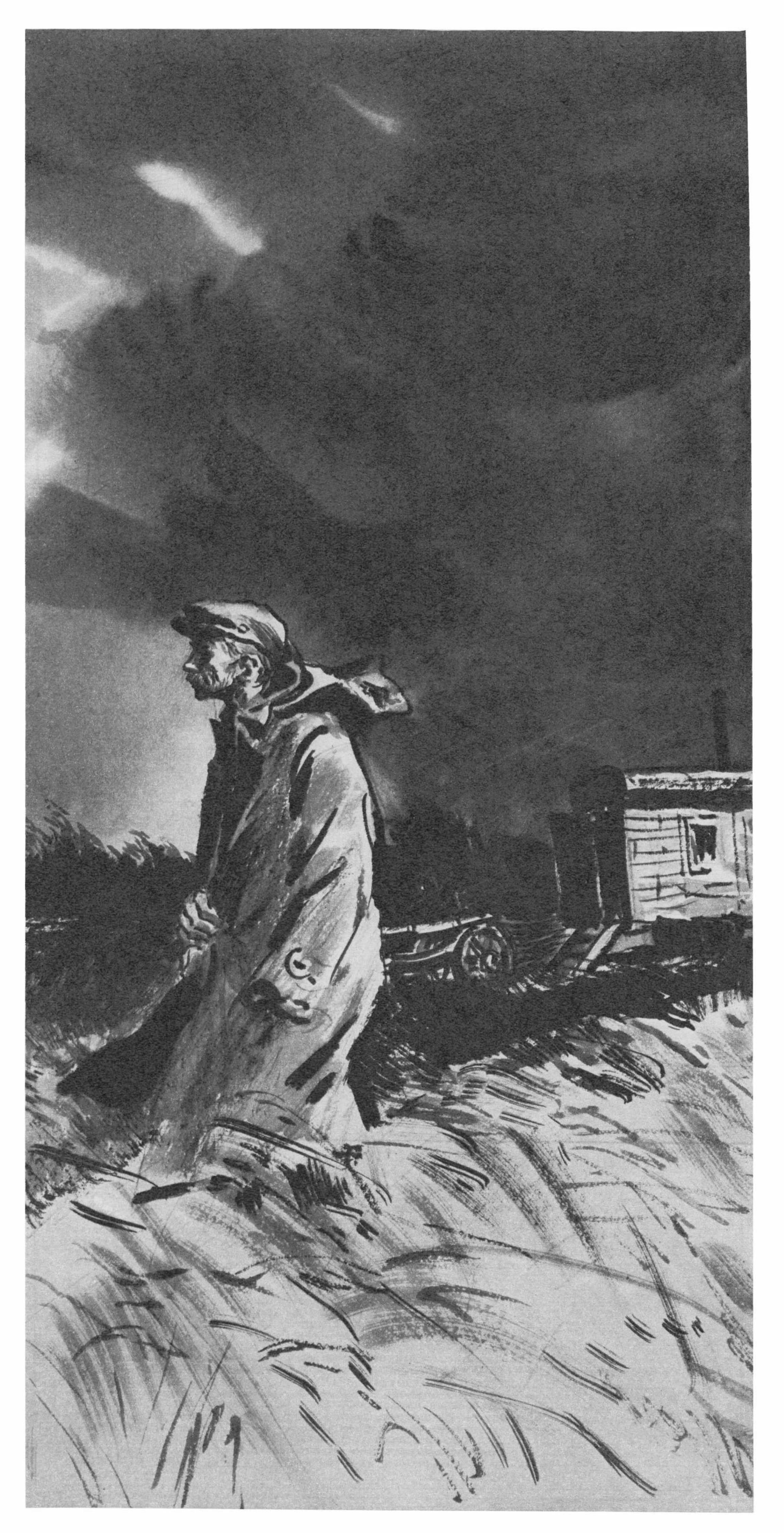
— Чего ты умом, Матвеич, ворочаешь? Ум вертится, то есть хитрый он, ум-то. Тут душевное дело. Породнимся, сложим свои силы вместе, бригада получится. Пять голов, десять рук!

— Надо невесту спросить! — сказал Тихов.

— За ней дело не станет. Тут она, в лесополосадке. Как царевна в теремочке лесном. — Лузгин уперся взглядом в Ивана. — Садись на серого волка, значит, велосипед приспособь, мчи сюда красну девицу Феню свет Спиридоновну! Томится она душой-то, млеет то есть сердечно.

Иван побежал к лесной полосе. Манька расстелила у шалаша полог, на него скатерку, собрала ужинать.

Как только Тихов увидел пышнотелую Феню, догадка его подтвердилась: была девка беременна. Губы припухли, в глазах — блаженный покой.

«Скрывал Ванька от меня. Неужто я ненадежен или неласков?»

Распили за молодых. Свезли сундучки в шалаш.

С этого дня и начались нелады между стариками. Тихов чаял, что в доме появилась хозяйка, а Лузгин тянул Ивана к себе.

— Где у тебя, сват Матвей, совесть? Осиротить меня хочешь? У тебя есть дочь, так, значит, уступи сына... Помру, тогда все тебе достанется, то есть ты будешь жить, а я лежать в могилке.

Тихов только руками развел перед таким наивно-настырным натиском своего свата. Долго приглядывался к сыну, потом пожаловался на Лузгина. Иван ответил путано, неопределенно, мол, ему обоих жалко, а потому не лучше ли взять Лузгина в дом. Не помешает.

Тихов представил себе жизнь в одном доме с говорливым стариком, горестно вздохнул. «Ну, да мне теперь все едино, как ни кинь, все клин».

III

В канун страды ночью разыгралась гроза. Застигла она меня поблизости от бригадного стана, и я залез в походный вагончик. Там было тихо. Вдруг кто-то завозился на топчане, позевнул, потом голос Лузгина затараторил:

— Все люди спят, труженики то есть, а он бродит, значит, Матвеюшка-сват, бродит. А... это ты, счетовод. Нырнул от стихии в наш домик на колесах?

Я сел в дверях вагончика, свесив ноги. Лузгин устроился рядом, и тут же запахло терпким потом, махоркой.

— Ноги у него, у Матвея-то, ноют перед дождем, как есть мозжат в суставах, за сутки чувствуют всякие то есть перемены.

Крался из-за Волги, сдержанно погромыхивая, гром. Уже завихривал ветерок.

— Молодые-то где же?— спросил я Лузгина.

— В шалашике почивают, то есть Иван с Феней. Живут дружно, любовь скрепили печатями.

Вагончик задрожал под напором ветра. В полнеба разливался свет грозы, вставала перед глазами кипучими волнами пшеница, метались вершины деревьев лесной полосы. И опять непроницаемая мгла давила правобережье.

Лузгин забился в угол вагончика, причитал скороговоркой:

— Страсть-то... всю жизнь научные статейки читал, ум свой светлил то есть... а тут поверишь в бога, черта, в страшный суд... О господи!

При вспышке молнии я увидел фигуру человека на равнине около хлебов. Человек был в белом, стоял неподвижно. На восточной половине неба горели звезды и сиял опрокинутый месяц.

Пошел дождь, молнии долго не было, а когда полыхнула над хлебами, я увидел человека в двух шагах от вагончика. Был он в плаще. Я отступил в глубь вагончика. Дождь перешел на окладной. И вот я услышал голос Тихова.

— Ну чего ты идешь не вовремя?— с укоризной говорил он.— Вред людям с неба кидаешь. Хлеб гноишь на корню.

И он долго ворчал на дождь, уговаривал свои ноги не ныть, не ломить. Когда дождь унялся, он влез в вагончик, снял плащ, накинул на плечи ватник. Сели на порожек. Закурили, разговорились помаленьку. Лузгин уже храпел со свистом.

— Дела, Петр Игнатьевич, как сажа бела,— глухо говорил Матвей.— Не ладим с сыном. Сват все спутал. Залетел, как курица в невод, кудахчет, трепыхается и все путляет. Умственный, а дурак несуразный. Уводит Ваньку от меня. Хотя бы насчет страды. Говорю: косить можно с прозеленью, восковая спелость самый раз. А Лузгин не дает, сын мой за ним. Опять же расписание. Точность нужна по нынешней технике. Я все учел: углы, завороты, минута в минуту. А сват гнет на старинку. Баламут, премьер, одним словом. Уперся на своем — трактором не своротишь.

Легли спать на нарах. Тихов спал чутко, говорил во сне. Я давно знал, что его сонного можно расспрашивать о чем угодно — все расскажет, только спрашивай тихо.

В сладкой полудреме думал я о том, почему мне всегда радостно с этим человеком. Какая

бы печаль ни была на душе, а как увижу Матвея Тихова, легко становится. Наверно, я любил его. Заснуть мне мешала сейчас какая-то странная неловкость от того, что в жизнь Матвея вошел без спроса, с наивной настырностью Спиридон Лузгин, в сущности, пустой человек, говоривший темно, однако всегда с пользой для себя. По всему чувствовалось, что Иван, взяв в жены дочь Лузгина, все дальше отбивался от отца и сестры. А парень вроде крепкий, деловой, с жесткой хваткой. Что могло привлекать его в Спиридоне? Зерна-то нет, одна мякина.

Лузгин повозился, зевнул, бормоча что-то, сторожко коснулся пальцами моего лица. Я ничем не выдал себя, что не сплю. «Говорун что-то надумал»,— решил я. Лузгин с порога справил малую нужду, лег рядом со сватом.

— Матвеюшка,— вкрадчиво зашептал он.

— А?— во сне отозвался Тихов.

— Пожалел бы свата-то, в дом-то свой позвал бы его проживать. Несчастный он, сват-то. Позовешь, что ль?

— Позову, жалко, что ль, пусть живет. — Тихов сказал так внятно, что подумалось, не проснулся ли он.— Тпру, Кария...

Долго переговаривался Лузгин со спящим сватом, как бы внушая ему жалость к себе, Спиридону.

Было в этом что-то жутковатое, и я глубоко вздохнул, потягиваясь, будто спросонья. Лузгин замер, засвистел ноздрей.

Проснулся я перед восходом солнца. Влажно-пахучий воздух освежил и взбодрил.

На посветлевшем отложье неба зелено темнела лесная полоса. До самой реки, мокрая от ночного дождя, млела в пару высокая, густо сникающая пшеница. Снеговой белизной оторочила ее по меже веселая ромашка, прохладная на огляд. В колеях проселочной дороги отстоялась дождевая вода, чисто, с просинью отражалось в ней небо.

И томительно пригревающее солнце, белый холодок ромашки, небо и чистые лужи поворачивали душу на ласковый, любовный лад.

Я подошел к Тиховым и Лузгину, стоявшим у комбайна. Лица их были смурые.

— Я тебе, Матвеюшка, толкую одно, разъясняю то есть, нельзя валить такой камыш. То есть борьба... И Ваня такую в голове думу держит,— стрекотал Лузгин.

— Правильно, и я так думаю, тятя. Нет нам дела до других. Не малолетки, пусть сами кумекают,— сказал Иван, ожесточаясь.

— Смотри, Ванька, не вей веревку в особицу... Тонкая получится, сгниет. Потянешь — оборвется, навзничь опрокинешься,— сказал Тихов.

По тому, как с сердцем заговорил Лузгин, я догадался, что не в пшенице дело (зелена она или подоспела), а в чем-то более глубоком.

— А зачем, сват, падать-то, да еще навзничь?— сердито и торжествующе говорил Лузгин.— Чай, человеку даден ум схитрить вовремя. Веревку-то натяни, а когда с другого конца-то дуром попрут, можно и бросить, пускай повалятся они... Одним словом, борьба то есть.

— Другие, значит, падают, а мы стоим?— спросил Тихов.

— А неужто падать за компанию? Можно и посмеяться, пошутить то есть, с пользой...

— Эх, Ваня-дурачок... Льют в твои широкие ухи поганые слова, а ты моргаешь только,— с горечью сказал Тихов и умолк.

В эту страду он работал отдельно от сына. И когда управились с хлебом, остался в степи пахать зябь. Потом повалил снег. Все вернулись в село, и только Матвей Тихов все еще жил в вагончике один со своим котенком, пока уже по заморозку не привезли тот вагончик в село.

Лузгин со своей дочерью перебрался в его дом. Тихов не мешал им: с фермы возвращался поздно, молча ужинал, ложился спать за печью, а как начинало светать, убегал по делам в артель. Стал он еще больше молчаливым и безответным. Куда ни пошли его, идет.

Единственным развлечением были у него редкие пирушки с председателем Асякаевым. Но пил он мало, все больше слушал людей, подперев рукой крутолобую голову свою.

По-прежнему шутили над ним, но он не отвечал, как бывало, веселой улыбкой. Взглянет на шутника и отвернется.

ПЕРЕСОЛИЛИ

РАЗГОВОР, КОТОРЫЙ СЛЕДУЕТ ПРОДОЛЖИТЬ...

Напомним содержание заметки «Пересолили», которая была опубликована в «Огоньке» № 3 этого года. Речь шла о вреде, наносимом пешеходам и автомобилистам на улицах, обильно, густо посоленных. Редакция получила много откликов...

«Для чего опубликована заметка? — спрашивает нас начальник управления Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР М. Живов. — Действительно, соль не облагораживает обувь и автомобилям пользы она не приносит, хотя вред от применения соли при зимней уборке улиц, конечно же, не так велик, как это следует из заметки»,— утверждает он, но фактов и цифр не приводит. А стоило бы: пусть судит читатель, сколь велик этот вред.

Судя по откликам, полученным редакцией, тревога поднята не зря.

Из Ленинграда пришло письмо от президиума совета Смольнинской организации Всероссийского общества охраны природы. А вместе с ним — копия документов из обширной переписки, которую уже несколько лет ведут ленинградцы, доказывая, что соль, кроме всего прочего, весьма вредна и для зеленых городских посадок. «Жэкам нашего Смольнинского района, территориально небольшого, на зиму этого года было отпущено 130 тонн соли, да плюс дворники прикупают. Говорить в этих условиях о безвредности соли вряд ли можно...»

Удручающие факты приводят в своем письме почетный член Всероссийского общества охраны природы Л. Москалев и член совета этой организации М. Вальчук: только в Ленинграде, по данным треста эксплуатации зеленых насаждений, материальный ущерб, нанесенный зеленому убранству города в результате обильной посолки улиц (соленый снег потом сгребается на газоны, под деревья), исчисляется сотнями тысяч рублей. Авторы письма с горечью констатируют: «В результате использования соли при зимней уборке города, по далеко не полным данным, испорчено 30 га газонов. Каждую весну газоны перекапываются, в середине лета появляется зеленый покров, а зимой он уничтожается — и конца этому не видно...»

Ущерб, наносимый обуви, в рублях не подсчитан. Но можно представить огорчение женщины, купившей замшевые сапожки, вскоре покрывшиеся белыми разводами. Мнение обувщиков единодушно: соль обезображивает обувь. На московском проспекте Мира, возле магазина «Богатырь», соль посыпается щедро. И работники соседнего ателье советуют обходить эти места: «Мы такую обувь отремонтировать не можем».

Цитируем письмо заместителя министра бытового обслуживания населения РСФСР Т. Ипатьевой: «...влажный, пропитанный солью снег отрицательно действует на эксплуатационные свойства кожи и ухудшает внешний вид обуви. Солевые пятна практически неудалимы, особенно с замши и велюра».

Заместитель начальника Управления ГАИ МВД СССР И. Храпов отмечает, что если «в процессе зимнего содержания дорог частично нарушается технологическая последовательность, на проезжей части улиц и дорог может оставаться водно-солевой раствор, в определенной степени снижающий коэффициент сцепления покрытий».

А известно, что плохое сцепление колес с дорогой — причина многих аварий.

Заместитель министра автомобильного транспорта РСФСР тов. А. Петров сообщает: «Соль, попадая на кузов автомобиля, во всех случаях способствует резкому увеличению его коррозии. В конце 1971 года Министерством жилищно-коммунального хозяйства РСФСР закончены испытания нового реагента ННХК, предназначенного для зимнего содержания дорог и не оказывающего вредного воздействия на автомобили. Для решения вопроса очистки дорог от снега без применения соли (хлоридов) необходимо в ближайшее время организовать массовый выпуск указанного реагента».

В ноябре прошлого года было принято специальное решение исполкома Моссовета (там, к слову, нет ни строки о применении соли!), в котором предписывается полностью подготовить для уборки снега машины и механизмы. Есть, между прочим, и такой способ: посыпать улицы песком. Этим же постановлением трест «Гордормеханизация» обязывался завезти на базы 54 тысячи кубометров такого песка. Хорошее дело! И не случайно в нашей почте почти нет писем от москвичей...

Бороться со снегом и гололедом, конечно, нужно. Только делать это надо так, чтобы одно не вредило другому...

ПУТЬ К ОЛИМПУ

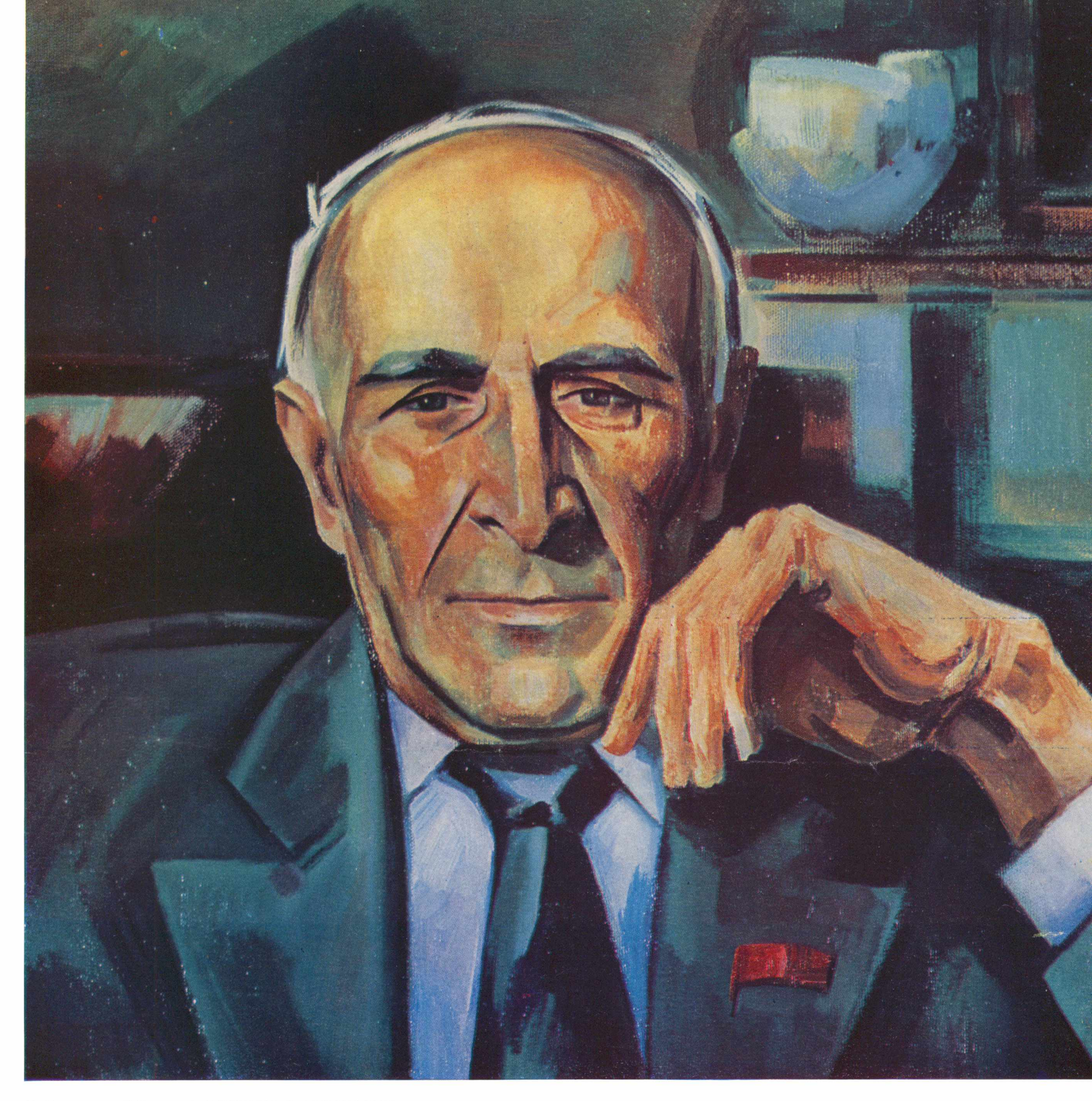

После успешного выступления советских спортсменов на Белой олимпиаде в Саппоро с особенным интересом читаешь и рассматриваешь книгу-альбом «Герои Белых олимпиад. Кортина д'Ампеццо, Скво-Вэлли, Инсбрук, Гренобль», выпущенную издательством «Прогресс».

Автор книги и составитель Марат Шишигин возвращает нас в прошлое, в атмосферу давно отгремевших спортивных баталий. Но сейчас эти баталии многое объясняют в причинах наших последних успехов в Саппоро. У Лидии Скобликовой, Алевтины Колчиной, Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова оказались способные наследники. Но в книге Шишигина речь идет не только о призерах зимних Олимпийских игр. Альбом показывает нам масштабы массовости советского спорта, говорит о его неисчерпаемых резервах, о благотворном воздействии физической культуры на здоровье людей. Ведь, как сказано в книге, наш спорт — это не только триста олимпийцев, но и самое массовое физкультурное движение, охватывающее десятки миллионов физкультурников и спортсменов.

Олимпийские игры, успех, счастливая победа — это не одна лишь громкая слава, но и упорный труд, в процессе которого формируется характер человека. Обо всем этом и рассказывает альбом и емким текстом и яркими снимками лучших наших фотокорреспондентов Л. Бородулина, М. Баташева, Б. Светланова, В. Шандрина и других. Все они по праву делят успех с автором-составителем.

Олег СПАССКИЙ

Г. Гелована (Тбилиси). ПОРТРЕТ С. ЧИКОВАНИ.

Выставка произведений художников Грузии, Армении, Азербайджана.

Д. Хахуташвили (Тбилиси). УДОЧЕРЕННАЯ.

Выставка произведений художников Грузии, Армении, Азербайджана.

М. Гюрджян. (Ереван). КОЛХОЗ В ГОРАХ АРМЕНИИ.

МАССОВАЯ, ЛЮБИМАЯ, ПОПУЛЯРНАЯ

Передо мной — один из первых выпусков «Роман-газеты»: «Поэзия революции» — пожелтевшие листы со стихами, напечатанными слепым шрифтом, с выцветшими фотографиями авторов этих стихов. Первым в этом сборнике стоит Демьян Бедный, представитель пролетарской поэзии, последним — Сергей Есенин, без указания его поэтического направления,— не знали, к кому его причислить.

Но, несмотря на разделение советской поэзии того времени на школы и школки, что сейчас кажется наивным и вызывает лишь улыбку, «Роман-газета» и тогда представляла поэзию в полном ее объеме, могучую, единую и глубоко талантливую.

Прошло сорок пять лет. И теперь поистине массовую библиотеку советской многонациональной и прогрессивной зарубежной прозы и поэзии создала «Роман-газета». И вот совсем недавно вышел 700-й номер ее.

«Роман-газета» — одно из старейших в стране периодических изданий художественной литературы. Еще в 1921 году в статье «О работе Наркомпроса» В. И. Ленин выдвинул идею о насущной необходимости «издавать романы для народа... в виде пролетарской газеты». Эта ленинская мысль была воплощена в жизнь: при содействии А. М. Горького в 1927 году создается массовое периодическое издание, получившее название «Роман-газета».

Она сделала достоянием миллионов читателей многие произведения, составляющие гордость советской литературы. На обложках «Роман-газеты» — портреты М. Горького, А. Толстого, А. Серафимовича, А. Фадеева, М. Шолохова, К. Федина, Вс. Иванова, К. Паустовского, Ф. Панферова, Л. Соболева и других замечательных писателей, романы и повести которых утвердили принципы социалистического реализма в искусстве.

Почетное место среди изданий «Роман-газеты» занимают произведения литературной Ленинианы. Среди романов и повестей, изданных в последние годы,— «Ульяновы» В. Канивца, «Первая Всероссийская» М. Шагинян, «Большой зачин» и «Возгорится пламя» А. Коптелова, «Удивительный год» и «Три недели покоя» М. Прилежаевой, «Дипломаты» С. Дангулова, «Золотой пояс» Д. Еремина; заметным событием в литературной жизни страны стал изданный «Роман-газетой» к 100-летию со дня рождения Ильича сборник «Про Ленина рассказ», в который вошли рассказы о Ленине советских писателей разных поколений.

Военно-патриотическое воспитание на героических традициях нашего народа является одной из главных тем в советской литературе. «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Василий Теркин» А. Твардовского, «Сын полка» В. Катаева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Белая береза» М. Бубеннова, «Весна на Одере» Э. Казакевича, «Резерв генерала Панфилова» А. Бека, «Ночь полководца» Г. Березко и другие нашли место на страницах «Роман-газеты».

«Истоки» Г. Коновалова и «Суровое поле» А. Калинина, «Белый ангел в поле» Н. Грибачева и «В час дня, Ваше превосходительство...» А. Васильева, «Блокада» А. Чаковского, «Горячий снег» Ю. Бондарева и «Матерь человеческая» В. Закруткина — книги эти при всем различии творческой манеры их авторов объединены жизнеутверждающим пафосом, стремлением раскрыть величие духа советских людей, отстоявших завоевания Октября в жесточайшей схватке с фашистскими полчищами.

О советском рабочем классе, о содружестве науки и труда созданы запоминающиеся книги: «Журбины» В. Кочетова, «Битва в пути» Г. Николаевой, «Знакомьтесь — Балуев!» В. Кожевникова, «Искатели» Д. Гранина, «Атомград» М. Колесникова, «Спокойных не будет» А. Андреева, «Всем смертям назло» В. Титова, «Екатерина Воронина» А. Рыбакова, «Наследники» Н. Сизова, «Утоление жажды» Ю. Трифонова, «Над уровнем моря» В. Чивилихина.

По выпускам «Роман-газеты» можно воссоздать этапы движения современного села к нынешнему высокому уровню его экономики и культуры. Из длинного списка публикаций «Роман-газеты» на сельскую тему назовем следующие: «Хлеб — имя существительное» и «Ивушка неплакучая» М. Алексеева, «Вечный зов» А. Иванова, «Межа» А. Ананьева, «Белый свет» С. Бабаевского, «Липяги» С. Крутилина, «Деревенский детектив» В. Липатова, «Любаша» В. Матушкина, «Районные будни» В. Овечкина, «Горькие травы» П. Проскурина, «Владимирские проселки» В. Солоухина.

У каждого из авторов, пишущих о современности, своя любимая тема, своя творческая манера, свой подход к постановке проблем, на которые требует ответов сама жизнь, и эта «непохожесть» писателей во многом способствует созданию рельефности, контрастности многоцветной тематической панорамы массового издания.

Стремясь наиболее полно отобразить на своих страницах закономерный процесс постоянного сближения и взаимообогащения всех национальных культур, «Роман-газета» только за последние десять лет опубликовала около шестидесяти произведений писателей союзных и автономных республик.

Большой успех имел выпущенный в свет «Роман-газетой» сборник рассказов писателей социалистических стран. Рассказы восемнадцати авторов семи братских стран, объединенные в этом выпуске «Роман-газеты», воспринимаются как одно захватывающее повествование о боевом и трудовом содружестве социалистических наций.

«Роман-газета» регулярно печатает на своих страницах произведения прогрессивных писателей Западной Европы, Северной и Латинской Америки, Азии, Африки и Австралии. В разные годы здесь печатали свои романы А. Барбюс, И. Бехер, Д. Олдридж, Ю. Фучик.

1972 год войдет в историю как год замечательного юбилея братского союза советских народов. Готовясь отметить юбилей, «Роман-газета» включила в план ближайших публикаций те произведения, в которых наиболее ярко воплощены идеи ленинской национальной политики на важнейших этапах истории Советского государства. Уже опубликованы в текущем году новые книги О. Гончара, К. Кулиева, И. Калашникова, сданы в производство и выйдут в свет в первом полугодии произведения А. Чаковского, И. Шамякина, М. Стельмаха, Ю. Рытхэу; в редакционном портфеле — романы и повести литовца Й. Авижюса, манси Ю. Шесталова, абхазца И. Тарбы, грузина Н. Думбадзе, якута С. Данилова и других авторов из национальных республик.

Юбилейные публикации и откроют счет восьмой сотни выпусков самого массового в нашей стране издания художественной литературы — «Роман-газеты».

Владимир ТРОПИНИН

РЕВОЛЮЦИОНЕР, НАРКОМ, ДИПЛОМАТ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. КОЛЛОНТАЙ

31 марта 1972 года исполнилось сто лет со дня рождения Александры Михайловны Коллонтай. Имя этой удивительной женщины хорошо известно не только в СССР, но и за рубежом. Человек необычайной судьбы, она вошла в историю партии и страны как видная революционерка, сподвижница В. И. Ленина, деятельница русского и международного рабочего движения, как талантливый публицист и выдающийся советский дипломат.

Уже в первые годы своей революционной работы А. М. Коллонтай становится известна и приобретает популярность не только как образованнейший партийный публицист, но и как великолепный оратор. В 1908 году, спасаясь от преследования царской охранки, она вынуждена была уехать из России. Восемь лет провела в эмиграции. Оказавшись за рубежом, Коллонтай продолжала вести агитационную, публицистическую деятельность, многое сделала для укрепления связей с революционным движением Запада. Ее страстные, пламенные речи слушали рабочие аудитории Германии, Англии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Норвегии, Швеции и США.

Весть о Февральской революции в России застает Коллонтай в Норвегии. Она спешит на родину. И ее деятельность в это время приобретает ещё больший размах. Александра Михайловна ведет революционную работу среди моряков Балтийского флота, среди женщин Петрограда, выступает на страницах газеты «Правда». Ее избирают членом Исполкома Петроградского Совета, а позднее, на VI съезде большевистской партии,— членом ЦК. Она участвует в решающих заседаниях Центрального Комитета партии большевиков, поддерживает курс на вооруженное восстание и многое делает для его подготовки.

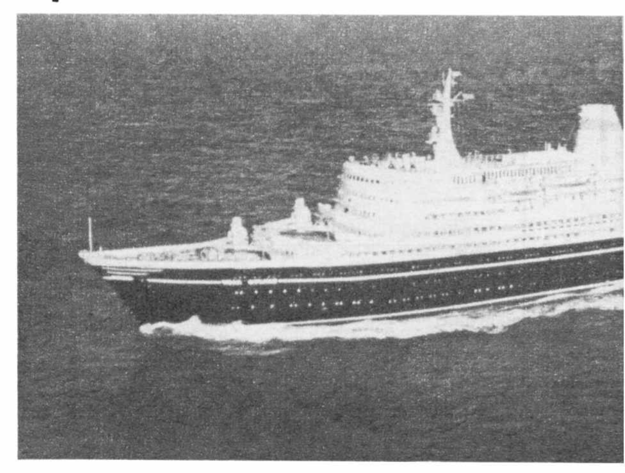
После победы Октября Коллонтай становится членом первого Советского правительства, назначается народным комиссаром государственного призрения (впоследствии — социального обеспечения). Полгода пробыла она на этом посту, но сделано было немало. Именно при ее активном участии были заложены основы государственной системы социального обеспечения в стране. В своей многогранной деятельности Коллонтай допускала и ошибки, но всегда имела мужество их признать и впоследствии исправляла.

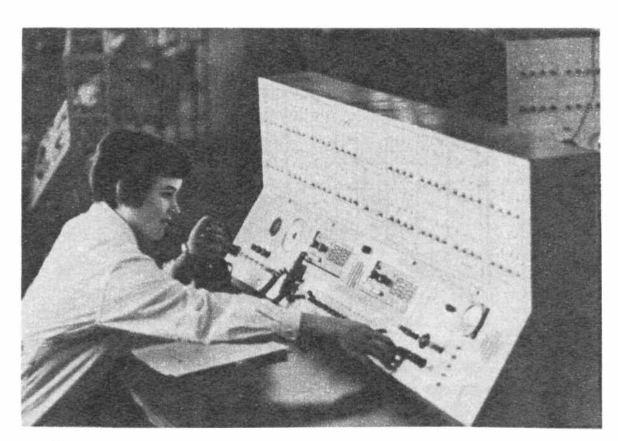
В 1922 году по решению Центрального Комитета партии А. М. Коллонтай была направлена на дипломатическую работу. Норвегия, Мексика, Швеция — страны, где она представляла Советский Союз, находясь на дипломатической работе двадцать три года. А. М. Коллонтай была первой женщиной-дипломатом, получившей ранг посла. «Дипломат, не давший своей стране новых друзей, не может называться дипломатом»,— любила говорить Коллонтай. Она была выдающимся дипломатом ленинской школы. В сложных, а порой и драматических ситуациях отстаивала престиж своей страны на международной арене, успешно проводя в жизнь принципы ленинской миролюбивой внешней политики, расширяя торговые и культурные связи.

Плодотворная деятельность Коллонтай была высоко оценена в Советском Союзе и в тех странах, где она представляла свою страну. Она была награждена орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени. Высшая награда Норвегии—орден Святого Олафа был вручен ей от имени норвежского правительства в 1946 году. А мексиканское правительство наградило ее орденом Ацтекского Орла. Александра Михайловна Коллонтай умерла 9 марта 1952 года, не дожив трех недель до своего восьмидесятилетия. На склоне лет она писала: «Моя жизнь была богатой и интересной, я пережила много великих событий. Главное, за что я боролась, о чем мечтала и ради чего работала всю жизнь,— социалистическое государство стало действительностью».

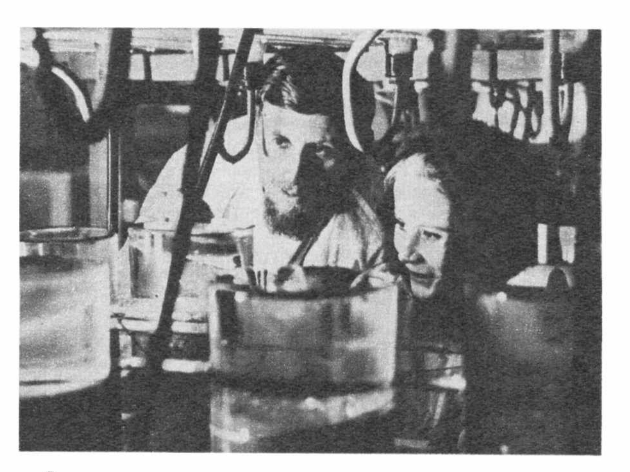
Георгий ПЕТРОВ, научный сотрудник Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР

1

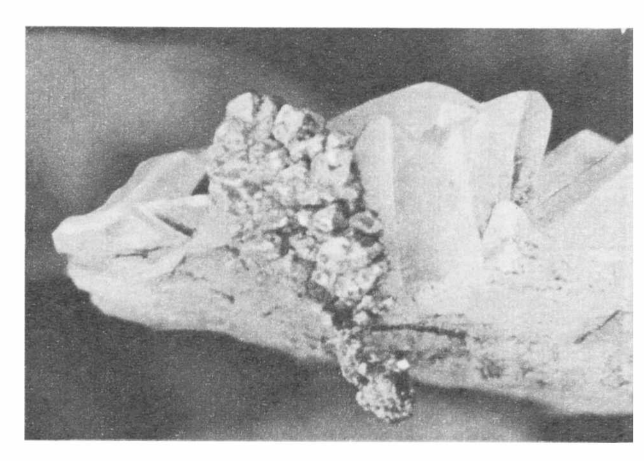

2

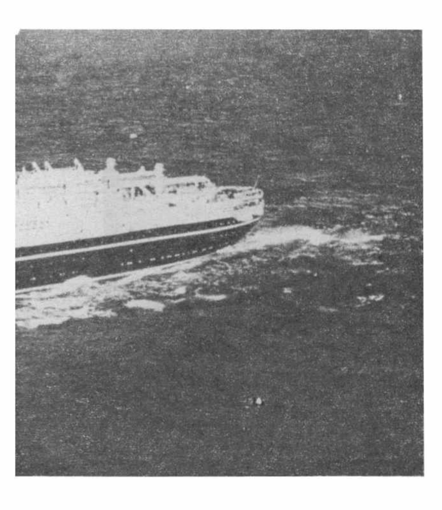

4

5

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

1

«Хабаровск» идет в Австралию

Лайнер дальневосточного морского пароходства «Хабаровск», оставив Сингапурский порт, взял курс на Австралию. Советское судно зафрахтовала заокеанская фирма для работы на этой пассажирской линии. В комфортабельных каютах разместилось более трехсот пассажиров. Здесь и туристы, совершающие увлекательное морское путешествие, и пассажиры с Британских островов. До Сингапура они летят самолетом, а дальше морем — так дешевле.

Это не единственный пример фрахта иностранной фирмой советского лайнера. Уже не первый год океанский теплоход «Александр Пушкин» ходит из Лондона в южную часть Тихого океана с английскими туристами на борту. А такой же теплоход «Иван Франко» фрахтуют итальянские фирмы. Лайнер «Тарас Шевченко» облюбовали бизнесмены ФРГ. В Генуэзском порту его каюты заполняют западногерманские туристы, чтобы совершить путешествие по Средиземному морю, побывать у западных берегов Африки.

За последние десять лет пассажирский морской флот СССР пополнился теплоходами десяти серий — от стоместных судов на подводных крыльях до океанских лайнеров, на борту которых могут с комфортом разместиться семьсот пассажиров. Эти суда отвечают самым высоким требованиям безопасности, оснащены совершенными механизмами и приборами, которые позволяют выполнять длительные плавания в сложных метеорологических условиях.

Крупнейшие иностранные фирмы, занимающиеся туризмом, в своих рекламных проспектах приглашают любителей морских путешествий на борт зафрахтованных ими советских лайнеров.

А. ТОМИН

Океанский лайнер «Иван Франко».

2

Знакомьтесь — «Элита»

Года три-четыре назад ее имя было просто загадочным, но никаких чувств не вызывало. Сотрудники Сибирского научно-исследовательского института механизации и электрификации СО АН СССР ездили с нею из совхоза в совхоз, уговаривали директоров:

— Вот смотрите — наша диспетчерская установка «Элита». Она позволит вам четко спланировать ход работ. Поможет мгновенно связаться с самым дальним отделением хозяйства, узнать, как там идут дела, и в случае необходимости вы внесете коррективы. Даже находясь в пути, с помощью «Элиты» вы сможете провести совещание с несколькими абонентами, если установите в машине соответствующую аппаратуру...

Директора с сомнением рассматривали установку, чем-то напоминающую пианино, оснащенное кнопками вместо клавишей, рычажками, телефонами, электронными устройствами, а, узнав ее стоимость, вежливо отказывались. Первым рискнул приобрести пульт связи Чинский совхоз и не прогадал. «Элита» не только помогла совхозу избежать ненужной неразберихи и горячки в самое напряженное время сева и уборки, но и позволила сократить простои тракторов в два раза, комбайнов — в три-четыре раза, получить дополнительно 17 тысяч центнеров зерна. Кстати, окупилась установка в первый же год...

Эта весть быстро распространилась по всем хозяйствам области, и в институт посыпались заявки. Они идут и теперь — из Якутии и с Дальнего Востока, от хлеборобов Алтая и Подмосковья.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»
Фото автора.

3

Дождик нипочем!

Не так-то уж мало в году дождливых, снежных, а попросту говоря, непогожих дней. Вот тут и выручают нас труженики московского завода «Красный богатырь». Благодаря им многие наши женщины уже щеголяют в новеньких цветных сапожках. Правда, разнообразия пока маловато — всего две модели, но в ближайшее время в производство поступят еще пять. Не забыты и мужчины и школьники: скоро будет освоена обувь и для них. В нынешнем году по сравнению с прошлым выпуск продукции завода вырастет втрое. Немалую роль в этом должны сыграть полуавтоматы для изготовления резиновой обуви способом литья под давлением, которые сейчас устанавливаются в цехах «Красного богатыря».

Ю. МИХАЙЛОВ

Работница Н. Николаева проверяет готовые сапожки.
Фото В. Кунова. ТАСС.

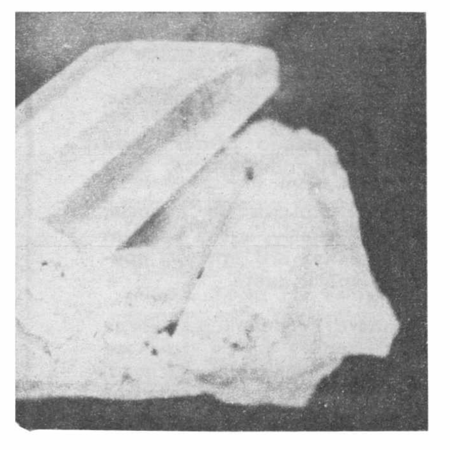
4

Омуль в таежных морях

Эта фотография сделана в инкубаторе для рыбы. Старший рыбовод Юрий Чистяков и рыбовод-лаборант Людмила Павлова работают на Бурдугуском омулевом заводе, расположенном на берегу таежного моря — водохранилища Иркутской ГЭС. Каждый год здесь закладывают на инкубацию десятки миллионов икринок. Рыбоводы тщательно следят за развитием личинок, весной спускают их в водоем, а через несколько месяцев личинка там превращается в малька.

Раньше считали: байкальский омуль может обитать только в своем родном озере. Но сибирские ихтиологи доказали, что это не так. Омуль хорошо приживается и в Иркутском и в Братском водохранилищах.

Фото М. Минеева, ТАСС.

5

Находка, достойная музея

В Магаданской области работает горная партия Анюйской комплексной геолого-разведочной экспедиции. Не так давно геолог этой партии, ведущей разведку золоторудного месторождения, Михаил Ефимович Кошман в кварцевой жиле среди кристаллов горного хрусталя обнаружил золотой самородок весом около 25 граммов. Сочетание горного хрусталя и золота — довольно редкое в природе явление. Да и в кварцевых жилах такие крупные самородки рудного золота встречаются совсем не часто. Очень интересная находка: она может дать ответ на некоторые вопросы о генезисе золотого орудненения в пределах Западной Чукотки. На территории Магаданской области таких находок пока что не было.

А. СКАЛАЦКИЙ
Фото автора.

Золотой самородок в друзе горного хрусталя.

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН

16

Хосе с облегчением вздохнул, увидев подошедшего к машине Рида. Нетрудно представить себе, какой оборот приобрели бы события, если бы Рида задержали сейчас полицейские.

— Мы должны действовать как можно быстрее, сеньор. Как с паспортом?

— Он у меня.

— Вот и хорошо. Сейчас мы отправимся к одному человеку. Заменить фотографию в паспорте — для него плевое дело.

«Бьюик» сорвался с места, быстро миновал город, свернул с шоссе на грунтовую дорогу, бежавшую среди плантаций кукурузы, и мили через три остановился у глинобитной хижины. В дверях, словно он поджидал их, появился какой-то человек.

— Мой двоюродный брат Симао,— представил его Хосе.— Отпетый мошенник! Он сфотографирует вас и заменит фотографию в паспорте.

Симао провел Рида и Хосе в хижину, где стояли кровать, несколько стульев, керосиновая лампа и низкий длинный ящик. К стенке жалась смуглая женщина с тремя ребятишками.

— Кофе? — спросил Симао.

— Не откажемся,— кивнул Рид.

Женщина поспешила к очагу.

— Я считаю для себя большой честью, сеньор, что вы посетили мою бедную хижину. Как вам нравится наша чудесная страна?

— Пока не очень, Симао,—вмешался Хосе,— и винить его в этом нельзя.

— Но, надеюсь, позже вы сможете посмотреть наши замечательные пляжи, красивые сады, полюбоваться старинными домами?

— С удовольствием,— ответил Рид.

— Сеньор Рид еще вернется к нам,— заявил Хосе,— и, возможно, тогда...

— Сеньор уезжает? Какая жалость! Тогда, быть может, сеньор не откажется купить у меня на память превосходные цветные фотографии? Я снял самые красивые цветы нашей...

— Потом, потом,— махнул рукой Хосе.— Сейчас сеньора интересует только одна фотография: для паспорта.

— Да?

— Да, да, да!

— Та, что есть у сеньора, ему не нравится?

— Фотографии вообще пока нет,— объяснил Рид.

— Нет?

— Нет.

— Понимаю. Что ж, иногда я делаю снимки и для паспортов.

— И очень удачные к тому же,— добавил Хосе.

— Иногда мне же приходится вклеивать их.

— В паспорта,— опять добавил Хосе.

— Да, в паспорта. Хотя это не совсем простое и обычное дело.

— И, следовательно, стоит дороже,— уточнил Хосе.

— Сколько же? — поинтересовался Рид.

— В данном случае нисколько,— к явному огорчению Симао, ответил Хосе и повернулся к последнему: — Сеньор Рид — мой друг. Очень близкий друг.

— Ну, раз друг, тогда и денег не надо,— печально сказал Симао.

— Я знаю, Хосе, что твой брат оскорбится, если я стану навязывать ему деньги.

— Верно,— согласился Хосе.

— Истинная правда,— пролепетал Симао.

— Но я мог бы сделать подарок его детям,— продолжал Рид.

— Это был бы благородный поступок! — оживился Симао.— Если бы вы только знали, как здорово я снимаю и как искусно переклеиваю фотографии в паспортах!

— Вот ты и покажешь нам свое искусство,— сказал Хосе.

Симао кивнул и тотчас, к изумлению Рида, извлек откуда-то треножник, почти новенькую «лейку» и блицвспышку. Через несколько минут, действуя с ловкостью и быстротой профессионального фотографа, он сделал несколько снимков Рида и ушел проявлять. Поджидая его, Хосе и Рид молча прихлебывали отличный крепкий кофе, приготовленный женой Симао. Смуглые ребятишки все так же молча следили за каждым движением Рида.

Вскоре вернулся Симао.

— Все в порядке, сеньор,— сообщил он, вручая Риду несколько фотографий, оказавшихся на удивление хорошими.— А теперь разрешите взять у вас паспорт.

Рид передал ему паспорт Корта.

— Да-а...— помотал головой Симао, разглядывая фотоснимок Корта.— Это очень плохой человек. Уж я-то знаю: я снял тысячи людей и научился распознавать их по лицам.

— Ты и на этот раз не ошибся,— согласился с ним Хосе.

— Так я займусь паспортом,— продолжал Симао, меняя тему разговора.— Все будет сделано, как надо, ни один чиновник на границе не заметит, что фотография в паспорте заменена.

— Давай делай, Симао, и побыстрее,— попросил Хосе.

— Мне потребуется несколько часов... А может, день.

— Не больше.

— Вот, возьмите для детей,— сказал Рид, передавая Симао пачку банкнотов.

— Вы очень щедры.

— Вернее, очень признателен.

— Давайте поедем,— заторопился Хосе.

— Не забывайте о моем предупреждении,— сказал Симао.— Я разбираюсь в лицах. Человек, которому принадлежал этот паспорт, никогда не прощает обид.

— Не забудем. Поехали, сеньор Рид. Нам остается только ждать... Да, вот еще что: вы никогда не были в этой хижине и знать не знаете никакого Симао.

— Понятно,— улыбнулся Рид.

— Теперь нам надо получить разрешение господина министра на выезд сеньора Корта из страны.

— Да, но ведь в заявлении надо указать обратный адрес, а какой адрес могу указать я?

— Тот, по которому официально проживает сеньор Корт,— отель «Фон Гумбольдт».

— Но...

— Понимаю. Жить там вы, конечно, не сможете, это было бы слишком опасно. Однако,— Хосе чуть заметно усмехнулся,— однако в отеле работает уборщицей невестка одного из моих племянников. Она сумеет выкрасть письмо министра с разрешением на выезд, как только оно придет.

— А где же мне жить все это время?

— Вы скоро уедете отсюда, сеньор, а пока будете жить у меня.

Прошло несколько дней. Все это время Рид жил у Хосе. Однажды местные газеты под большими заголовками сообщили о внезапной смерти одного из старших дипломатов британского посольства, Джилингхема. Хосе читал эти сообщения и переводил Риду.

— Альберто отомщен,— жестко заключил он.— Но каковы репортеры! Какой же это несчастный случай?

Хосе так сердито затянулся своей сигаретой, что от нее полетели искры.

— Джилингхем сам хотел, чтобы его самоубийство приняли за несчастный случай,— сказал Рид.

Письмо из министерства, адресованное Корту, лежало в ячейке № 16 специального шкафа, стоявшего позади конторки дежурного администратора. Еще не было и семи часов утра, когда в холле появилась уборщица и принялась мыть пол.

— На кухне готов кофе,— заметила она, оказавшись рядом с дежурным.

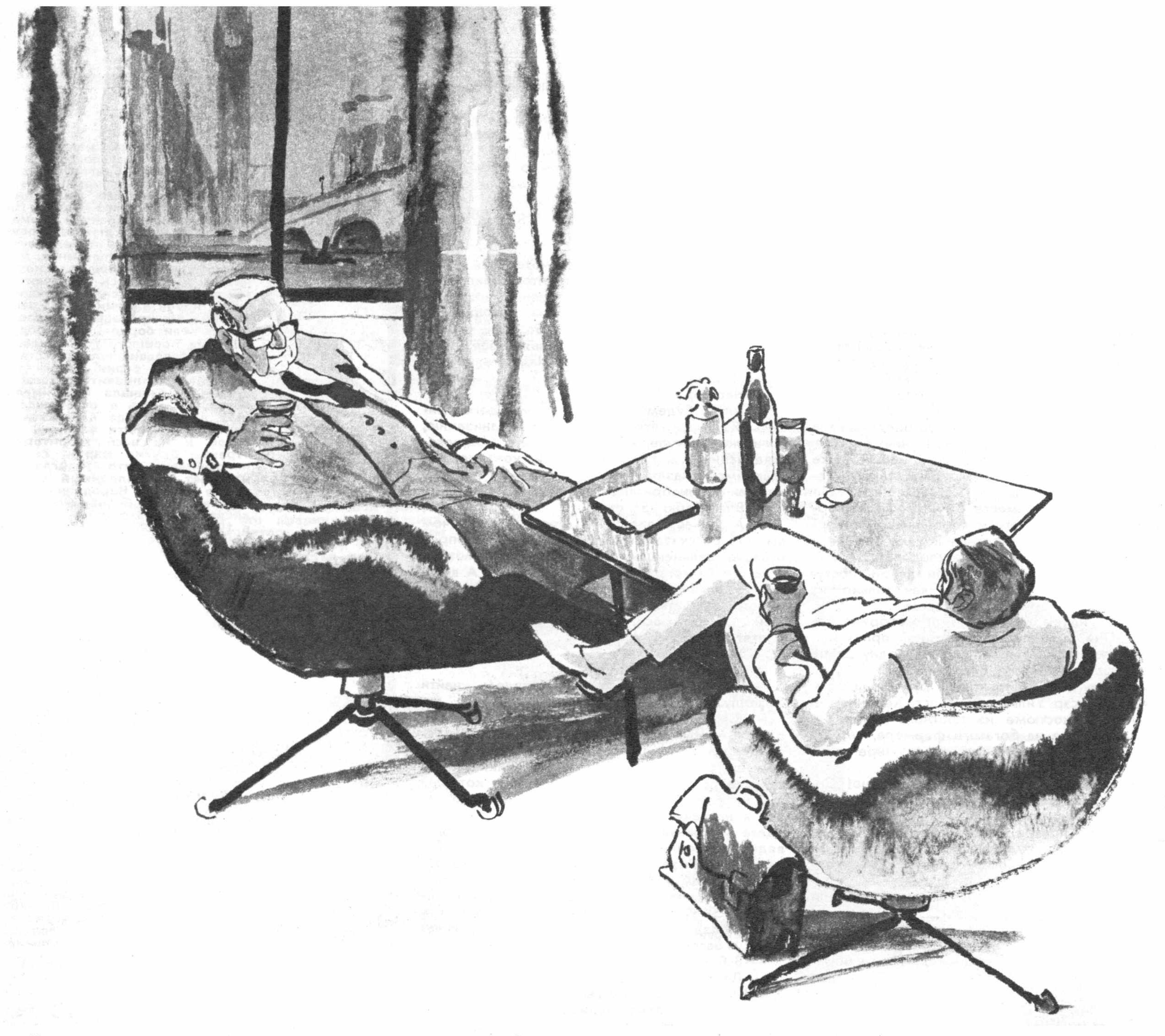
— Чудесно! — удовлетворенно потер руки дежурный.— Посмотри тут, пожалуйста, пока я хожу.

Как только дежурный скрылся за дверью, уборщица подбежала к шкафу, взяла конверт из ячейки № 16 и заменила его другим, примерно такого же размера и цвета.

Рид не скрывал своего беспокойства, когда они подъезжали к аэропорту все в том же стареньком «бьюике». Он знал, что паспорт, во всяком случае, на первый взгляд, не мог вызвать никаких подозрений, и все же ему хотелось как можно скорее оказаться в самолете.

Рядом с ним, погруженный в размышления, сидел Хосе.

Окончание. См. «Огонек» №№ 5—13.

Машина свернула с шоссе на аллею, ведущую к аэропорту, и вскоре остановилась.

— Вы ничего не забыли, сеньор? У вас все есть?

— Я ничего не забыл, Хосе, и у меня все есть.

— Вы пришлете мне письмо?

— Да, как только фирма «Консолидэйтед» признает меня. Потом я возьму длительный отпуск за свой счет, вернусь сюда и отправлюсь в джунгли.

— Трудное это дело, сеньор!

— Возможно.

— В джунглях смерть будет подстерегать вас на каждом шагу: болезни, дикие животные, змеи...

— Бесполезно меня отговаривать, Хосе. Я решил во что бы то ни стало найти Розеллу.

— Да мало ли здесь красивых девушек, сеньор? Возвращайтесь, и я познакомлю вас с самыми прекрасными из них.

Рид с признательностью посмотрел на Хосе, не сводившего с него своих черных глаз. Рид понимал, что Хосе искренне хочет, чтобы он остался жив, и одно это повышало у него настроение. Он уже не сомневался, что обязательно выживет и обязательно найдет Розеллу.

— Спасибо, Хосе. Мне пора. Пожелай мне успеха, Хосе. Не выпускай Корта, пока я не пришлю тебе телеграмму.

— Да, да, в адрес ювелира.

— Я не забуду. До скорой встречи.

— Адиос, амиго.

Рид уже давно скрылся в здании аэровокзала, а Хосе все еще стоял на том месте, где они прощались. Услышав рев поднимающегося самолета, он возликовал, что Рид благополучно прошел все положенные пассажиру формальности. Затем самолет сделал над аэродромом традиционный круг. Хосе сорвал с головы шляпу и помахал ею. Сквозь стекло иллюминатора Рид разглядел его, одиноко стоявшего в ослепительных лучах тропического солнца.

Подождав, пока самолет превратился в крохотную точку, Хосе медленно вернулся к «бьюику». Он успел привязаться к Риду и понимал, что не успокоится, пока снова не увидит его.

— А теперь мы вернемся к сеньору Корту,— сказал он водителю.— Это будет мой последний визит к нему.

17

С чувством огромного облегчения покидал Рид лондонский аэропорт. Наконец-то все опасности и треволнения позади! Было около семи часов утра. На автобусе с эмблемой авиалинии он доехал до городского аэровокзала, нанял такси и, оказавшись на Пикадилли, зашел в ресторан «Лайонса» и заказал завтрак.

Ничего не изменилось тут с тех пор, как он покинул Лондон. Риду вдруг показалось, что нет на земле этих темно-зеленых джунглей Амазонки, что все пережитое им произошло где-то на другой планете. «Да и сам-то я, пожалуй, совсем не изменился,— подумал он, взглянув на свое отражение в зеркальной стене ресторана.— Разве что загорел».

За соседний столик села смуглая хорошенькая женщина. Она напомнила ему Розеллу, и его сердце заныло.

После завтрака он около часа бродил по улицам и вышел к мрачной полноводной Темзе. Часы Вестминстерского аббатства пробили девять, и Рид заспешил к высокому белому зданию «Консолидэйтед минералс» — правлению этого огромного концерна, располагавшего филиалами во всем мире.

Рид быстро вошел в распахнувшиеся перед ним массивные, обитые бронзой двери. Швейцар приложил было руку к фуражке, но вдруг замер и уставился на Рида широко раскрытыми глазами.

— Ничего, ничего, Уолтерс! — похлопал его по плечу Рид.— Это действительно я собственной персоной.

— А нам говорили, что вы...

— Как видишь, я жив и здоров. Только что вернулся.

— Ну и напугали же вы меня, сэр!

— Пожалуй, сначала я побываю на десятом этаже.— Там, на десятом этаже, до отъезда Рида находился его кабинет.

Как только Рид вышел из лифта, дежурный по этажу вскрикнул от удивления и вскочил из-за своего столика.

— Сэр, вы!..

— Здравствуй, Уилкс.

— Но нам же...

— Все в порядке, успокойся.

— Черт возьми!.. Прошу прощения, сэр. Но нам сказали, что вы погибли. Вот это сюрприз!

Рид только улыбнулся в ответ. Ему уже начинало нравиться удивление, с которым все тут его встречали.

— Так я пройду в свой кабинет.

— Но у вас уже нет...— Дежурный закашлялся от смущения.

— Чего у меня нет?

— У вас уже нет кабинета. Вы понимаете, после того, как...

— Понимаю, понимаю, Уилкс.

— Ничего, сэр, дело поправимое, можете не сомневаться. Сейчас я позвоню... Разве вы никому не сообщали, что живы?

— Нет. Так уж сложились обстоятельства.

— Я сейчас же позвоню. Присядьте, сэр, на минуточку.

Рид уселся в мягкое кресло и, улыбаясь, слушал, как дежурный по этажу пытается объяснить по телефону его появление.

— ...Да нисколько я не сумасшедший! Здесь он, здесь... Можете проверить у швейцара главного вестибюля — он, конечно, тоже видел его... Слушаюсь.

Уилкс положил трубку и вытер вспотевший лоб.

— Ну, сэр, и задали вы нам задачу!.. Мне предложено проводить вас на четвертый этаж.

Четвертый этаж... Святая святых концерна! Этаж, где находятся кабинеты президента и его заместителей. Рид почувствовал, что ему делается как-то не по себе, словно его причастность к катастрофе самолета представляла собой нечто предосудительное, нечто такое, в чем никак не должен быть замешан даже самый второстепенный сотрудник такого солидного предприятия.

Уилкс спустился вместе с Ридом на четвертый этаж и привел его к хорошенькой секретарше, которая не проявила к нему никакого интереса и сухо предложила следовать за ней. Она остановилась у массивной двери, постучала и сразу же удалилась, как только из комнаты вышла другая секретарша.

— Сэр Уильям ждет вас,— проговорила девушка. Они прошли по огромной приемной, затем секретарша распахнула еще одну дверь и доложила: — Мистер Рид, сэр.

Навстречу Риду, протягивая руки, поднялся из-за стола сэр Уильям Форрест. Коренастый, румяный, в костюме из плотного твида, он походил скорее на богатого фермера, чем на президента известного во всем мире концерна.

— Рад видеть вас, Рид. Поразительно! Садитесь и рассказывайте все по порядку.

— Благодарю, сэр.

— Сейчас, правда, еще только утро, но не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Может быть, виски,— ответил Рид, хотя пить ему совсем не хотелось.

— Пожалуйста... А ведь мы уже записали вас в покойники.

— Я знаю.

Сэр Уильям передал Риду стакан с вином.

— Не торопитесь и самым подробным образом расскажите мне все, начиная с того, как вам удалось уцелеть при катастрофе, и кончая тем, как вы оказались здесь, у меня... Кстати, почему мы не получили телеграммы о вашем приезде?

В этом естественном и невинном на первый взгляд вопросе Риду послышалась нотка недовольства.

— Извините, пожалуйста, но, видите ли, мне пришлось ехать по чужому паспорту.

— По чужому паспорту?! — переспросил сэр Уильям; он явно был шокирован.

— Да, сэр. У меня не оставалось иного выхода. Я приехал сюда под фамилией Корт.

Сэр Уильям поперхнулся глотком виски.

— Боже милосердный!

— Это очень длинная история, но у меня есть все необходимые доказательства.

— Доказательства? Доказательства чего?

— Сейчас я все расскажу.

— Начинайте же наконец!

— Когда я пришел в себя после падения самолета, я...

Сэр Уильям снова взглянул на ленту с записью рассказа Рида, только что доставленную ему в кабинет, на паспорт Корта, на портфель с бумагами и на поблескивавшие на столе медальоны.

— Невероятно! — воскликнул он.

— Да, сэр, невероятно, но правда.

— Ваши доказательства полностью это подтверждают.

— Надеюсь, сэр.

— Ну и как же вы намерены поступать дальше?

— Думаю передать все материалы одной из наших крупных газет.

Сэр Уильям неодобрительно покачал головой.

— Очень неразумное решение. Это нанесет нашему правительству огромный политический ущерб.

— Я хотел, кроме того, обратиться в наше министерство иностранных дел, но после урока, полученного от Джилингхема...

— Но вы не должны судить о всем стаде по одной паршивой овце.

— Что вы, сэр! Я и не сужу.

— Вам, очевидно, известно, что я обладаю тут кое-каким влиянием?

— Да, сэр.

— Если вы оставите все эти материалы мне... Ваш рассказ я тоже, как видите, записал на пленку... Если у вас нет серьезных возражений, я передам материалы и магнитофонную запись премьер-министру, с которым завтракаю в четверг, и... — Сэр Уильям замолчал, потом с улыбкой спросил: — Надеюсь, его-то вы не подозреваете?

— Нет, сэр.

— Тогда будем считать, что мы договорились. Я уверен, что эту опасную организацию, во всяком случае, в странах нашего Содружества наций, мы раздавим. Ну и, конечно, постараемся оказать нужное влияние и за пределами Великобритании.

— Благодарю вас, сэр.

— А сейчас о вас самих. После всего, о чем вы мне рассказали, могу обещать, что вопрос о вашей дальнейшей работе будет рассмотрен в самом благоприятном для вас свете. А ваши собственные планы? В деньгах, полагаю, вы не будете нуждаться. Жалованье за время вашей... смерти и все такое вам, разумеется, выплатят.

— Я хотел...

— Да?

— Понимаете, сэр... мне бы хотелось... найти Розеллу.

— Я ждал этого заявления! — засмеялся сэр Уильям.— Что ж, прекрасно. Можете считать вопрос решенным. Я сделаю даже больше, чем вы рассчитываете, мой мальчик: вместо отпуска без сохранения содержания, который вы, наверное, попросите для поисков Розеллы, я назначу вас на должность геолога. Поедете в Южную Америку... скажем, для разведки минералов. Ну, а потом, когда вы найдете свою Розеллу, посмотрим. Возможно, вы получите там и постоянную работу. Об этом поговорим позже. А сейчас, мой мальчик, собирайтесь в путь. Я дам указание оформить вашу поездку. Вначале отправляйтесь в Нью-Йорк, а затем...

— В Лиму.

— Да, да, там же вас ждет ваш ловкий Хосе! Вам повезло, что вы встретили его. Даже такая мощная организация, как «Спарта», не сумела справиться с ним и его людьми. Не удивлюсь, если ему удастся выйти сухим из воды.

— Выйти сухим из воды? — удивился Рид.

— Я хочу сказать, избегнуть мщения «Спарты». Возможно, впрочем, что его просто не опасаются. Не думаю, что «Спарта» будет тратить свои силы по всяким пустякам: у нее, видимо, достаточно более важных дел. Но вы, Рид, должны всегда соблюдать осторожность.

— Понимаю, сэр.

— Нет сомнений, что «Спарта» будет охотиться за вами, постарается устранить. Но не падайте духом: концерн позаботится о вашей безопасности.— Сэр Уильям помолчал и добавил: — Не буду вас задерживать. Оставьте секретарше свой лондонский адрес.

— У меня его пока нет.

— Ну сделаете это, когда будет. Обязательно покажитесь мне перед тем, как отправитесь на поиски... минералов.

— Благодарю.

Сэр Уильям встал и пожал Риду руку.

— Желаю успеха.

— Спасибо.

После ухода Рида сэр Уильям долго сидел, не шевелясь. Потом взял один из медальонов, поставил его на ребро и крутнул с такой злостью, что вращающийся кружок превратился в сверкающий золотой шарик. Потом он сгреб оба медальона со стола, засунул в карман, поднял трубку телефона и приказал секретарше:

— Немедленно соедините меня с Западным Берлином.

Перевел с английского
Ан. Горский.

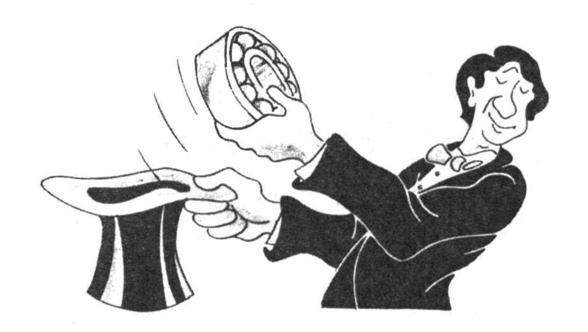
Интересным документом национально - освободительной борьбы народа Бангладеш являются почтовые марки. Первая серия их была выпущена в июле прошлого года. На марке серии изображена схематическая карта нового государства, но уже вторая говорит о тяжелых испытаниях, которые восточнобенгальскому народу пришлось пережить: текст, дата и символические пятна крови напоминают о репрессиях. Но кровавые расправы не сломили борцов за свободу. В конце прошлого года правое дело Бангладеш восторжествовало. Первая серия марок была выпущена правительством в изгнании. Сначала они имели хождение лишь в освобожденных районах, где действовали партизаны «мукти бахини», но потом и на всей территории страны. Другие марки серии напоминают, что Бангладеш населяет 75-миллионный народ и что партия Народная лига, возглавившая борьбу за независимость, собрала на выборах в 1970 году 98 процентов голосов. На одной из марок портрет ее лидера Муджибура Рахмана, на другой — национальный флаг. Заключительная марка серии призывает: «Поддерживайте Бангладеш!» Текст на марках двуязычный — на английском и на бенгали.

Американец Пэт Паульсон, подвесив себя к балке, малюет по полотну бородой и носом. Его новая «картина» имеет, как он считает, определенную ценность. Разумеется, не художественную, добавим мы, а чисто материальную. Пэт Паульсон продал свое «творение» за 50 фунтов стерлингов! Поп-арт поддерживается толстосумами, выкладывающими тем больше средств, чем нелепее исполнение.

ЦИРК УЛЫБАЕТСЯ

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

САМОРОДОК

Пять изнурительных дней были уже позади. Пятьдесят велосипедистов, взявших старт от самого Полярного круга, завершали последний этап 1000-мильного марафона.

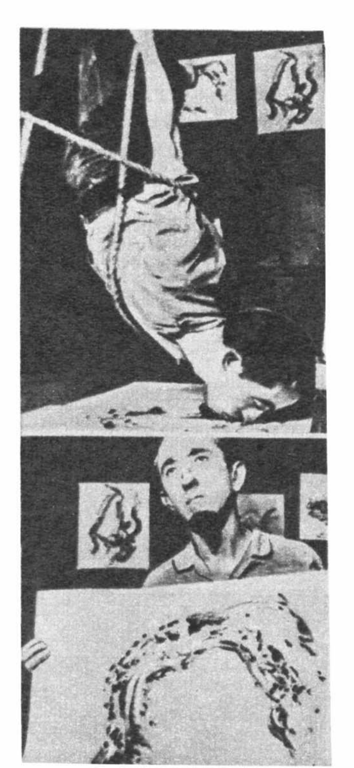
На финише в Истаде, на юге Швеции, духовой оркестр, мэр и жители города с нетерпением ожидали того, кто будет первым. Наконец, он показался. Каково же было всеобщее удивление, когда победителем гонки оказался пожилой человек с седой бородой! Его машина представляла собой устаревшую модель женского велосипеда с вставленной рамой. На руле был прикреплен сверток с едой, а на багажнике — запасная шина. Вскоре все узнали имя победителя. Им оказался бывший велогонщик Густав Хакансон. У 66-летнего спортсмена 10 детей и 5 внуков.

«Стальной дедушка» — так окрестили его шведы после этой победы. Сейчас ему уже 85 лет. Он, как и прежде, бодр и продолжает ездить на велосипеде. «Я хочу доказать,— говорит Густав Хакансон,— что возраст не помеха для спорта». ▶

Фото ЮПИ, из журнала «Уикэнд».

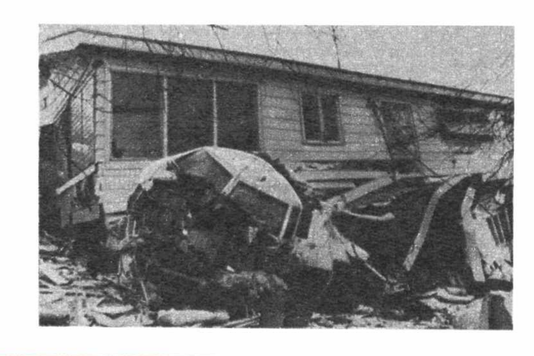
Кто это? Цирковой клоун? Нет, это американский расист, губернатор штата Алабамы Джордж Уоллес. Он снова хочет попытать счастья на предстоящих президентских выборах в США. Свою предвыборную кампанию Джордж Уоллес начал в помещении цирка города Майами. Нарядившись в одеяние клоуна, он излагал свою предвыборную программу. ▼

Дымящиеся остовы железнодорожных вагонов. Человеческие жертвы. Таков итог трагедии, разыгравшейся недавно в баварском городе Ингольштадте во время столкновения двух поездов, перевозивших нефть. ▲

На снимке обломки самолета, потерпевшего катастрофу в Олбани, штат Нью-Йорк. В падении самолет пробил крышу жилого дома. Погиб 61 человек. ▼

— Ну, как вам наши достижения? — с гордостью спросил директор клуба, широким жестом поводя вокруг себя. Стены были в разноцветном наряде диаграмм и графиков.

— Ничего,— похвалил председатель колхоза, задумчиво глядя на графики.

— А теперь прошу в зал,— сказал директор клуба.— Смотр самодеятельности начинается. Степан Степаныч, помогите нам отобрать для поездки в город самых, так сказать, достойных...

Они прошли в зал и заняли почетные места в первом ряду. Смотр начался.

...Минут через сорок, когда зрители и жюри уже начали немножко уставать, директор клуба прошептал:

— Сейчас будет гвоздь программы. Исключительно талантливый исполнитель. Самородок.

— Кто же это? — насторожился Степан Степанович.

— Николай Ламанов из четвертой бригады. Такие чудеса делает... Впрочем, вы сейчас сами увидите...

На сцене появился самодеятельный фокусник и принялся извлекать из своего цилиндра всякие вещи: ленту, аквариум с рыбками, самовар...

— А теперь,— объявил он,— я вытащу любую вещь по желанию зрителей.

— Как это любую? — закричал кто-то из зала.— Грабли, к примеру, можешь?

Ламанов молча сунул руку в цилиндр и вытащил грабли. В зале загалдели:

— Во дает! А собаку можешь?

— Табуретку?

— Тихо! — крикнул председатель.— Подождите! Ламанов, ты подшипник можешь достать?

Фокусник пренебрежительно усмехнулся и вынул из цилиндра подшипник.

— Так,— нервно заерзал председатель,— а если кирпич?

Ламанов достал кирпич.

— Ну-ка, покажи... Хороший кирпич, силикатный... А... скажем... карданный вал?

Ламанов задумался, потом сделал несколько движений руками и, поднатужившись, вытащил из цилиндра новенький карданный вал.

Зал бушевал.

— Каково? — радостно спросил директор клуба.— Этот не то что на районный, а, пожалуй, и на республиканский смотр поедет...

— Кто на республиканский? — испуганно спросил Степан Степанович.

— Как кто? Ламанов.

— Ты с ума сошел! — яростно зашептал председатель.— Чтоб я такого человека отпустил неизвестно куда, на какой-то там смотр?! Неужели ты думаешь, что он оттуда вернется? Его же просто не выпустят. Вскружат парню голову, заставят из цилиндра доставать брюки модные, как сейчас дамочки носят, и разную чепуху. Истратят талант на пустяки. А у меня он на дело пойдет. Пусть запчасти достает да стройматериалы. С такими способностями он у нас в хозяйстве первым человеком будет!

— Да, но... если мы не пустим его на смотр, то... искусство много потеряет...

— Почему же потеряет? — обиделся Степан Степанович.— Ты думаешь, что таланты только городу требуются? Нет, брат, не скажи. Хоть я в искусстве и не очень разбираюсь, но только знаю твердо, что и нам в колхозе люди искусства во как нужны!..

ВЫДЕРЖКА И ТЕРПЕНИЕ

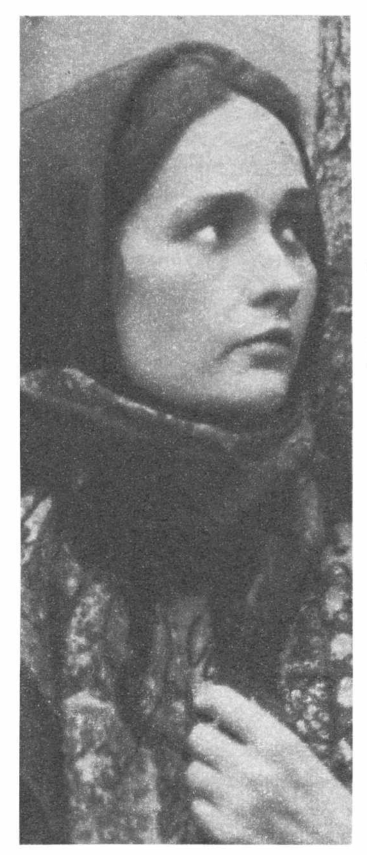
Работали у нас в цирке акробаты — муж и жена. Выступали с не ахти каким номером: она у него на голове стойку делала, ну и еще там трюков несколько. Да с них особенно и не спрашивали: оба молодые, путь свой только начинали. Публика при виде этого номера не очень усердствовала. Похлопают немножко, да и ладно.

Ну, выступают они год, другой, третий — и все программы не меняют. Правда, мужу потруднее стало, поскольку жена за это время довольно-таки поправилась и стала весить этак килограммов восемьдесят. На пятом году выступлений публика ему сочувствовать начала, потому что жена на восьмидесяти килограммах не остановилась. На седьмом году ему в первый раз за всю его карьеру цветы к ногам бросили. На восьмом — зрители стали устраивать овацию. На десятом — их имена на афишах крупными буквами писали, а номер этот под занавес всей программы оставляли, вроде бы как гвоздь вечера.

Одним словом, стал этот акробат любимцем публики. И ничего, не зазнался. Наоборот, выступает себе, как ни в чем не бывало, все с тем же номером. На двадцатом году за этот самый номер наградили их дипломом первой степени и признали победителями конкурса молодых талантов.

Вот что значит для молодого актера выдержка и терпение.

ИГРАЕТ ЗИНАИДА КИРИЕНКО

На зеленом склоне горы, у опушки леса, прилепилась небольшая деревушка. Тут в чистой, уютной хатке живет вдова, мать двоих сыновей, которым она отдала дни и годы своей жизни, тепло сердца. Заботы уже вычертили чуть заметные морщинки в уголках темных глаз, но все той же добротой светится прекрасное лицо женщины-гуцулки. С нею и знакомит нас новый цветной фильм украинских кинематографистов «Живая вода».

Данка Крылюк — так зовут героиню Зинаиды Кириенко. Год прошел со времени нашей последней встречи с актрисой, выступившей в белорусской картине «Крушение империи» в роли жены революционера-большевика Ваулина. И вот новая работа Зинаиды Кириенко, теперь уже над образом современницы.

В центре киноповествования — непростая судьба Данки и Антона, большая их любовь, их трудная жизнь...

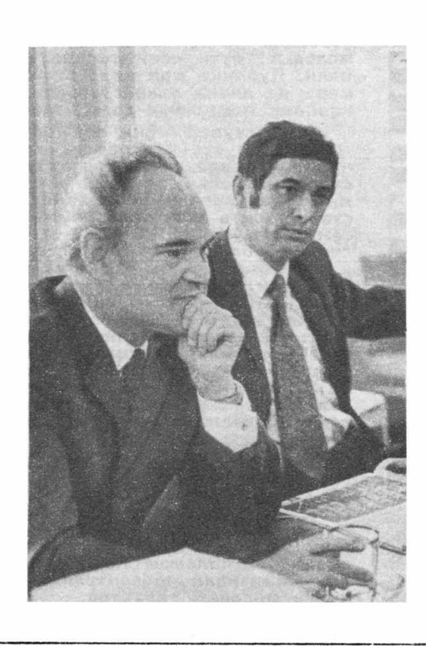
— Сценарий написан киевской журналисткой Тамарой Шевченко, выпускницей Высших сценарных курсов,— рассказывает Зинаида Кириенко.— Привлекает достоверность повествования, искренность интонации. Заинтересовали и люди, с которыми пришлось встретиться в фильме. И если режиссер-постановщик Григорий Кохан, человек, влюбленный в Карпаты, тут родился и вырос, то для меня роль женщины-гуцулки — открытие нового, интересного.

Во время съемок,— продолжает З. Кириенко,— я жила в большом карпатском селе Косове, в доме славной, красивой гуцулки Ирины. Вдова, мать двух детей, она очень напоминала мою Данку. Знакомство с ней очень помогло мне в работе над ролью: я почувствовала сердцем, что живая вода фильма — это действенная любовь к людям и природе, преображающая человека.

Марк ТАТАРИНОВ

На снимке: З. Кириенко в роли Данки.

ВСТРЕЧА В «ОГОНЬКЕ»

«Кветы» («Цветы») — так называется один из самых популярных сегодня в Чехословакии общественно-политических журналов, первый номер которого вышел еще в 1834 году.

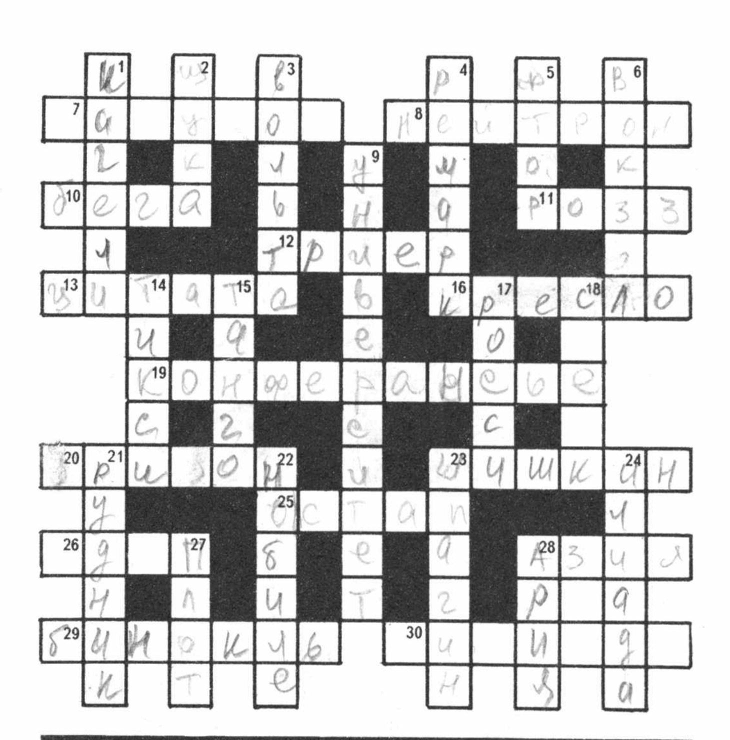
Ныне идет 22-й год новой жизни «Квет».

Из номера в номер этот журнал знакомит своих читателей с событиями политической, экономической и культурной жизни Чехословакии, печатая также немало материалов о Советском Союзе и его достижениях.

На днях в «Огоньке» побывали главный редактор журнала «Кветы» М. Цодр и заместитель главного редактора С. Рудольф. Вместе с ответственными работниками «Огонька» они приняли участие в деловом обсуждении вопросов дальнейшего сотрудничества обоих братских журналов.

На снимке: М. Цодр (слева), С. Рудольф в «Огоньке».

Фото А. Награльяна.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Народный поэт Дагестана. 8. Элементарная частица. 10. Состязание лошадей на ипподроме. 11. Цветок. 12. Сельскохозяйственная машина. 13. Выдержка из текста. 16. Предмет мебельного гарнитура. 19. Актер, ведущий концертно-эстрадное представление. 20. Спутник планеты Нептун. 23. Русский живописец, передвижник. 25. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 26. Опера Д. Энеску. 28. Часть света. 29. Оптический прибор. 30. Геометрическое тело.

По вертикали: 1. Аттракцион. 2. Хищная рыба. 3. Легкая хлопчатобумажная ткань. 4. Немецкий писатель. 5. Химический элемент. 6. Станционное здание. 9. Высшее учебное заведение. 14. Бухта моря Лаптевых. 15. Танец. 17. Архитектор, создавший ряд монументальных ансамблей в Петербурге. 18. Река в США. 21. Горнопромышленное предприятие. 22. Итальянский дирижаблестроитель. 23. Советский конструктор стрелкового оружия. 24. Древнегреческая эпическая поэма. 27. Бревна, скрепленные для сплава. 28. Сольное вокальное произведение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 7. «Накануне». 8. Тримитас. 10. Стрелка. 11. Юнона. 13. Брыль. 14. Торос. 16. Фрамуга. 17. Акробат. 18. Гречиха. 20. Ротонда. 22. Смола. 23. Искра. 25. Вишня. 27. Лексика. 29. Позитрон. 30. Тропинин.

По вертикали: 1. Дракон. 2. Свитер. 3. Хабанера. 4. Туес. 5. Зима. 6. Магеллан. 9. Петрозаводск. 12. Акустика. 13. Беркутов. 14. Тартас. 15. Сахара. 19. Рисунок. 21. Динамик. 24. «Родина». 26. Индиго. 27. Лира. 28. «Амок».

На первой странице обложки: Встреча паромов «Советский Казахстан» и «Советский Туркменистан» в Каспийском море.

Фото К. Каспиева.

Снимок сделан с вертолета, пилотируемого летчиками О. Комковым и А. Гурьевым.

На последней странице обложки: Огни Будапешта. Фото М. Трахмана. **Внизу:** Центральный зал управления Тисского химического комбината в городе Ленинвароше. В строительстве этого предприятия участвовали советские специалисты.

Фото Ирэн Ач.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем—253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/III-72 г. А 00650. Подп. к печ. 28/III-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 670. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2657.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

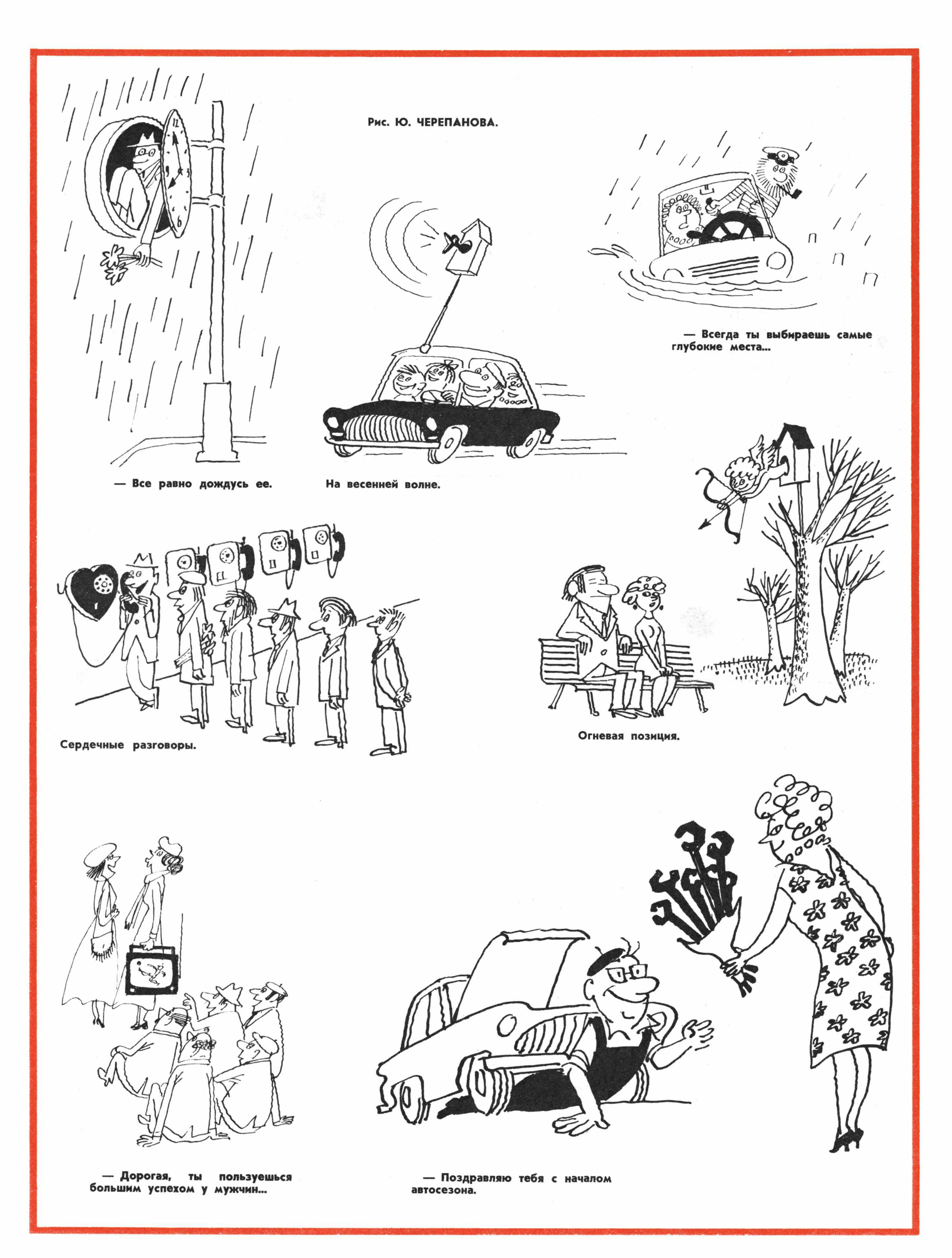

Рис. Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

— Все равно дождусь ее.

На весенней волне.

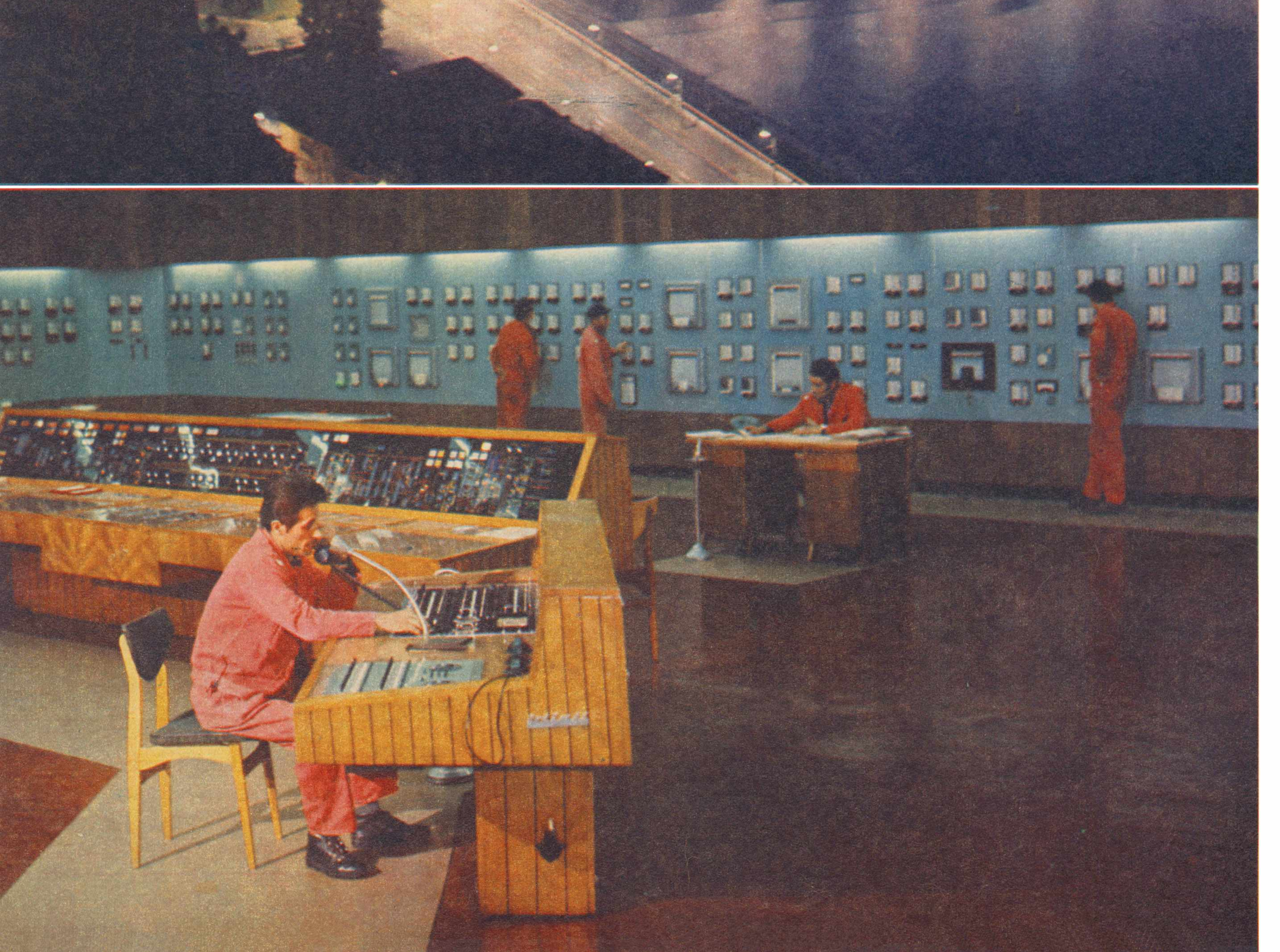
— Всегда ты выбираешь самые глубокие места...

Сердечные разговоры.

Огневая позиция.

— Дорогая, ты пользуешься большим успехом у мужчин...

— Поздравляю тебя с началом автосезона.

Индекс 70663.

Цена номера 30 коп.